

Александр Велесов

Лесной мальчик

История в стили героического фэнтези

16+

Александр Велесов

Лесной мальчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53646473

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06687-8

Аннотация

Захватывающая история в стиле героического фэнтези. Два времени тесно переплелись в один узел, где начало и конец тому, что не находит объяснение человеческому разуму. 19 век и наше время.... Он пришел в это мир маленьким мальчиком, на котором лежит заклятье. Она его далекий потомок и потеряет всех, кто был ей дорог, но ценой своей жизни вернет его в свой мир.

Александр Велесов

Лесной мальчик

Вступление

Она шла, шатаясь, с совершенно пустым, отсутствующим взглядом, который уже ничего не выражал. Джинсы на ней были изорваны и грязны, так же как и её куртка и сапоги. Волосы и её лицо были также измазаны в грязи и немного в крови.

Она шла, словно уже не понимала куда идёт. Она продиралась сквозь колючие ветки деревьев и кустарников.

Она падала, но вставала вновь, снова падала и снова вставала. Она понимала, что Господь для чего то оставил её в живых, для чего то или для кого-то. И если она осталась в живых, то должна добраться до людей.

Должна....

Но вот всё-таки впереди она заметила асфальтированную дорогу, по которой пронеслась машина.

Девушка почти доползла до неё и упала на обочине. Вскоре рядом с ней остановился легковой автомобиль и из него выбежали мужчина и женщина.

Они подняли её и с трудом дотащили до машины. Сначала

она не помнила ничего, но потом уже в машине она открыла глаза и произнесла очень слабым голосом, одно лишь слово:

– Спа ...Спасибо ...

Глава первая

Граф Сумбуров

Это случилось тогда, когда осень уже почти исчерпала себя, а зима ещё не вступила в свои права. Первый снег слегка запорошил поля, а давно оголённые от листьев деревья, были покрыты инеем, в безмолвном ожидании прихода настоящих морозов. Всё было подготовлено к тому, чтобы встретить настоящие холода.

Усадьба графа Сумбурова Петра Алексеевича и его супруги Елизаветы Николаевны, находилась аккурат посреди невообразимо красивых лесных дубрав. Вотчина графа Сумбурова начиналась за много вёрст до усадьбы. Сначала шли ухоженные поля, на которых трудились крепостные графа Сумбурова, а потом начинались края глухих лесов, крайняя часть из которых была вырублена, обозначая границу владений графа. И через все эти красивые поля и полески, шла широкая дорога, прямо к усадьбе графа.

Проезжая на бричке сквозь небольшую лесистую часть владений графа, минуя два небольших озера, разлившихся сбоку от дороги, а также оставляя мимо небольшую речушку, проезжий путник выезжал как раз к его усадьбе. Острые шпили усадьбы, выполненные в западном стиле, делали её похожим на замок. Вокруг основного здания было множе-

ство хозяйственных построек и большой деревянный флигель.

В усадьбе проживал сам граф со своей супругой, его уже давно взрослый племянник, рано оставшийся без родителей, престарелая мать графа и два её старых брата. Во флигеле жил приказчик немец с семьёй. Остальная прислуга жила в отдельных домиках и она же и обслуживала всю семью графа. Это и несколько горничных и десять мужиков, которые выполняли всякие работы по дому и повар с двумя подручными.

Жизнь графа и его жены проходила умиротворённо и без происшествий. Хотя у Сумбурова были две страсти, балы и охота.

Первая страсть была их общей с женой. Они часто принимали у себя гостей и устраивали роскошные балы. Гости съезжались к ним даже издалека. Благо усадьба была огромной и могла вместить много гостей, которые оставались у них на несколько дней. Говоривали, что таких блистательных балов не было не у кого и нигде, кроме как наверно в столице.

Второй страстью для него была охота. Наверно это была больше чем страсть, это был смысл его жизни. Несомненно, граф был порядочным человеком и любил свою жену, но охота для него была чем-то большим, чем всё остальное, и эта страсть перекрывала даже его любовь к жене. С бешеным неистовством граф мог бросать все свои другие дела, собирал людей и уезжал на несколько дней в леса.

Охота поглощала его, она делала его одержимым в своём желании убивать диких животных и птиц. В огромной гостиной графа Сумбурова была выложена вся коллекция убитых графом несчастных животных, выполненных в виде чучелов, и простых шкур.

Здесь были и медвежьи шкуры, олени чучела, лосиные, волчьи, рысьи и всяких диких птиц. Иногда граф разглядывал их часами, видно упоённый теми последними минутами страданий, которое испытывало несчастное животное в своей последней агонии. Маски ужаса и предсмертного страха застыли на их окаменевших телах. Но это были и маски скорби, отпечатанные в их последнем дыхании жизни. Но даже все эти чучела и шкуры были лишь всего малой толикой тех добытых на охоте зверей.

И когда граф в очередной раз выезжал на охоту, казалось, что сама природа замирала в страхе перед его неуёмным желанием убивать диких зверей. Наступало такое безмолвие, что сводило уши от тишины.

Дикие звери разбегались в страхе, и деревья расступались перед необузданным желанием графа к охоте. У графа было много собак, за которыми смотрели специально обученные для этого люди. Ещё граф любил принимать у себя гостей, потчевал их всякими чудесными кушаньями и винами. Он мог часами хвалиться и рассказывать об охоте. Его рассказы были увлекательны и преисполнены приключений. Жена не одобряла его страстное увлечение, но и не мешала ему.

Так они и жили.... Казалось, что ничего не может омрачить жизнь графа и его жены, настолько была прекрасной их жизнь. Наверно кроме одного... Граф был женат с Елизаветой Николаевной уже много лет и был он зрелым человеком, чтобы понять, почему при всём благополучии их жизни, Господь не даровал им детей.

Однако ответы он не находил. С Елизаветой Николаевной их связывали большие чувства. Много лет назад граф увидел её на балу, куда был приглашён, когда вернулся из турецкого похода. Вскоре они поженились, но шли годы, и детей у них так и не было. Граф ездил с женой по святым монастырям, выписывал дорогих врачей иностранцев, но всё было зря. Врачи иностранцы обследовали его и жену, но все были единодушны во мнении, что граф и его благоверная здоровы.

Однако детей не было. Шли годы. Граф в душе наверно давно примирился со всем, но только не Елизавета Николаевна, которая сильно страдала в душе от этого.

Сильно огонь в масло подливала и мать графа, обвиняя его супругу в том, что у них нет детей. Но граф сильно любил жену, и, несмотря на все обвинения в её адрес, всегда вставал на защиту своей жены. И опять-таки уйти от этой душевной боли графу Сумбурову помогала охота. А в последние годы Елизавета Николаевна сильно подружилась с женой соседнего помещика Кутепова Сергея Дмитриевича.

Подругу звали – Ольга Владимировна. Они часто гостили друг у друга, проводя время в душевных беседах. Помещик

Кутепов жил, конечно, далековато от владений графа и поэтому если его жена приезжала в гости к Елизавете Николаевне, то оставалась обычно на неделю. Как-то, в один из таких осенних вечеров, как раз перед теми событиями, которые имели место произойти, две женщины сидели в зале у камина, обсуждая столичные небылицы.

– Милая, голубушка Лизонька, да не убивайся ты, может Господь проверяет так нас на прочность. Хотя без деток жизнь не в радость я понимаю...

Елизавета Николаевна только вздохнула на эти слова Ольги Владимировны, у которой было, однако два сына – подростка.

– Знаешь, Ольга, я часто думала о том, почему Господь не даровал нам дитя. Может, у кого из нас в роду был грешен сильно кто то, может, настолько грешен, чтобы не допустить продолжения рода нашего.

– А вот за эти слова Господь точно по головке не погладит, да и муж твой обидиться может. Кто же грешен, так мог быть? Предки твоего мужа испокон века в походах воевали, на благо родины – матушки, а твои всю жизнь на земле жили, и прадед твой, и отец. Какие земледельцы были знатные, и хлеб растили, и мельниц, сколько было, и пастбищ да лугов со скотиной. Они на земле жили и землю знали и любили. – Дала ей такой ответ Ольга Владимировна.

– Всё так Ольга, только у меня по материнской линии, случай был о котором мне мамка, потом рассказывала. Что буд-

то её бабка, то есть моя прабабушка, во время войны Отечественной с Бонапартом полюбила французского офицера, да так полюбила, что свет ей без него мил не стал. А полк этот французский у них квартировался.

Офицер тоже её полюбил, и всё бы ничего, да ведь враг это был. И папенька, с маменькой прознав про это сильно на дочь тогда заругались. А полк этот много зла творил в округе, крестьян забижал, скотину угонял, хлеб отнимал, недобольных французы казнили. Однако земли её папеньки не трогали французы, офицер тот не давал.

Вообщем потом война на убыль пошла, и французы отступать стали, а бабушка решила с тем французом бежать. Прознав, про это папенька запер дочь свою, да только всё-равно сбежала она. Да видно без родительского благословления всё это случилось. Прошло ровно восемь месяцев с того как сбежала она и наверно не увидели бы её никогда папенька с маменькой, да только приехали люди и сообщили, что дочь их заболела по дороге, когда французы отступали и ещё понесла она от него и родить должна вот- вот. Бросил по дороге её француз.

Оказывается она ещё до побега от офицера понесла. Собрался папенька и поехал, да только не увидел он живой дочь свою, умерла при родах она, но дочку живой родила, и спасли ребёночка крестьяне. Вернулся отец с внучкой своей. Вот так то. Получается у меня прадед французом был. Я думаю, что за грехи бабушки я сейчас этот перст и несу сейчас –

молвила Елизавета Николаевна и заплакала.

– Полно, полно голубушка. – Стала ободрять её подруга – Думаю, что придёт ещё и твоё время. Ты пока молода, да и супруг твой не старый, главное духом не падай и всё Боженька сладит как надо.

– Ладно, не буду, не буду, спасибо тебе Ольга.

– Да на чём же голубушка. Это тебе спасибо, за то, что ты у меня такая хорошая и единственная – улыбаясь, ответила ей Ольга Владимировна.

Но Елизавета Николаевна уже улыбалась и скоро две подруги уже непринуждённо болтали о столичных новостях.

А разговор этот случился как раз перед теми событиями, про которые нам ещё предстоит рассказать.

Ольга Владимировна вскоре уехала к себе в имение. И вот как-то раз, вечером, сидя за чашкой чая, со своим мужем, Елизавета Николаевна задумчиво вдруг произнесла такие слова:

– Пётр Алексеевич, Вы знаете, мне кажется, что скоро у нас с Вами ребёночек будет?

– В смысле Елизавета? Мне кажется, что Вы не в том положении? – удивился её словам граф.

– Всё так Пётр Алексеевич, но сон дивный приснился мне давеча. Я всё молчала, да не знала как сказать Вам. Приснился мне лес чудный, и поляна среди него, вся светом солнечным залитая. Иду я по ней, вся, в чём мать меня родила. Иду и упиваюсь я светом солнечным, будто купаясь в лучах его.

И вдруг вижу колыбель чудную, посреди поляны той, а в ней младенец дивный и ручонки свои он мне тянет, улыбается и вдруг явственно так говорит, Мама я нашёл тебя... И всё вокруг светом залито, да таким ярким, что аж в глазах рябит. Заплакала я от счастья в тот миг, но тут вдруг черно как ночью стало, тучи небо заволокли и вдруг гром сотряс небеса, и молния зигзагом прочертила темноту эту, осветив колыбель ту. И отшатнулась я от колыбели в ужасе, в ней уже не младенец лежал, в ней склетик был маленький, крохотный совсем. Проснулась я в поту вся, долго потом уснуть не могла, плакала всё.

– Милая моя Елизавета, полноте Вам. Вам отдохнуть надо, это зима близка, вот она меланхолию и наводит. Не бери дурные мысли в голову – стал её успокаивать муж.

– Наверно Пётр Алексеевич – вздохнула она и положила свою голову ему на плечо. Однако на душе у нее было всё так же тяжело от дум своих.

На следующий день, рано утречком собрался граф со слугами своими на охоту. Людей подняли чуть свет не заря, собак. А с ним вместе и приказчик немец Отто с сыном решили поехать. Охотиться граф решил за много вёрст от имения своего, в самых глухих лесах, что к северу от земель его. Там и две охотничьи заимки были, устроенные несколько лет назад его людьми.

Стоял поздний октябрь, листьев на деревьях уже не было, а вместо них деревья запорошило небольшим лёгким пер-

вым снежком. Когда они совсем уже были далеко от своих земель, граф приказал своим людям двинуться к Чёрному Ущелью. Местность та была удивительно дикой, словно там никогда не ступала нога человека. Огромное ущелье было покрыто зарослями густых елей, изредка посреди лесов попадались небольшие болотистые озёрца, покрытые мхом и зелёной выступающей наружу тиной.

Первого дикого кабана им довелось встретить именно недалеко от ущелья. Граф приказал спустить на него собак. Кабана долго преследовали, пока неожиданно все собаки не собрались в одном месте, прямо перед ущельем, однако, не решаясь спуститься вниз, они лаяли на что-то внизу.

Следом к месту поскакал на лошади и сам граф, приказчик с сыном и пятеро верных людей графа.

– Матвей, ну ка посмотри, на что они лают? Что там внизу? – приказал граф.

Матвей, а это был крепкий мужик с густой рыжей бородой в тёплом зипуне, спешился с лошади и с ружьём наперевес приблизился к обрыву. Посмотрев вниз, он прокричал, стараясь перекричать лай собак:

– Не видно ничего барин, там ели одни.

– Что же лают они? Ладно, Матвей, и ты Степан со мной пойдёте, всем остальным ждать. Я сам посмотрю. – Сказал Сумбуров.

Затем он, цепляясь за ветви ели, стал спускаться по скалистому обрыву вниз ущелья. Обрыв не был настолько кру-

тым, и спуск давался довольно легко. Повсюду между скалами росли ели, и было удобно цепляться за их сучья, спускаясь ниже и ниже.

Так, вскоре граф оказался почти на самом дне ущелья, заметив за ветками дерева что-то похожее на небольшую пещерку, из которой доносился едва слабый детский плач или писк, было трудно определить что это.

– Ну-ка, Матвей, посвети – приказал он.

Матвей зажѐг спички, и они увидели в небольшом углублении посреди скалы небольшую деревянную колыбель, в которой что-то или кто-то ворочался.

– Что там Матвей?

– Щас барин, щас... – ответил Матвей, и, нырнув с головой в углубление, выволок из него маленькую колыбель, срубленную из дерева, в которой лежал укутанный в пѐстрое одеяльцо маленький ребѐнок.

– Барин, барин, ребѐночек тут, малыш.

– Что? Что? Ребѐнок? – бросился к Матвею Сумбуров и увидел лежащего в колыбели чудного мальчика, розовощѐкого, совсем не замѐрзшего и даже улыбающегося во весь рот.

– Как это? Откуда здесь? На десятки вѐрст не души? Откуда? – не унимался Сумбуров.

– Барин, барин, давайте здесь младенца и оставим. Кто знает, чей он? А вдруг это сын лешего? Ведь в лесу чай нашли его? – сказал Матвей.

– А ну, цыц Вам! Это судьба, подарок Божий моей супружнице Елизавете Николаевне, за все её страдания. А ты леший какой-то.... -произнёс Сумбуров. – Это ведь мальчик, да мальчик это...

– А откуда же он здесь взялся? Кто его здесь оставил? Барин чует сердце моё, что не к добру это. Ребёнок нечеловечий ... – не унимался Матвей.

– Ты брось мне это, поднимай колыбель наверх, только гляди мне осторожно, а я за Вами следом поднимусь – приказал барин.

Колыбель была поднята наверх и этой находке все удивлялись, как могли. Поднявшийся наверх Сумбуров приказал всем поворачивать назад. Он отменил охоту. Колыбель с ребёночком он приказал Матвею, как можно аккуратно привязать к лошади, самому спешиться и пешим ходом сопроводить лошадь с младенцем.

Когда все повернули домой и уже были совсем далеко от того места, за их спинами над пиками елей как будто что-то прошелестело им вслед, хотя не было не дуновения ветра. А потом словно что-то или кто-то тяжело вздохнул, будто впад в думы об этом младенце.

Когда младенца увидела Елизавета Николаевна, выбежав на порог усадьбы, то она лишилась чувств, прошептав такие слова:

– Это он, это он ... Я его видела...

А младенец улыбался во весь рот, кряхтел что то, сопел

и был как будто несказанно рад тому, что его нашёл граф Сумбуров.

– Вот он наш сын, сынок наш – Алексеюшка. – умиротворённо прошептал граф, целуя ребёночка.

А малыш потянул вдруг руки к нему и произнёс так отчётливо, будто совсем взрослый:

– Папка, папка ...

Граф Сумбуров обнимая свою жену, которая пришла в чувства, шептал ей:

– Господь услышал наши молитвы, услышал...

За окном усадьбы пошёл снег, снежинки тихо скользили по стеклу, и только один Матвей, стоя, перед иконами в своём доме, молился и крестился на коленях.

Зима вступала в свои права, постепенно, шаг за шагом. Однако в этот миг счастье вспыхнуло, наконец, в душе Елизаветы Николаевны, и она, прижав младенца к груди, шептала,

– Алексеюшка, сынок мой...

Глава вторая

Чёрные копатели

Её звали – Анна. Это была непростая девушка во всём, что касалось её жизни. Ещё в детстве она заболела археологией. Она и поступила на археологический, а её авантюрный

характер сделал из неё охотницу за приключениями и сокровищами, которые были скрыты под землёй.

Ещё на четвёртом курсе Анна сколотила группу из единомышленников, которых в миру называли чёрными кладоискателями...

Страсть к археологии целиком поглощала её, и это было для неё не просто работой, она стремилась к знаниям, и что особенно её увлекало – это была запретная археология. Анна была из семьи военных и рано осталась без матери, а отец с детства воспитывал её в суровых условиях. Он научил её стрелять из ружья, охотиться на зверей, хотя охота не привлекала её и она относилась к охоте как средству выживания в суровых условиях природы. Всё детство она с отцом проводила в походах, он отдал её и в спортивную секцию альпинизма.

Отец научил её собирать палатку, научил её приёмам рукопашного боя, научил владеть ножом. И при этом Анна выросла стройной, спортивной девушкой. Анна была очень красива, золотистые волосы она эффектно и даже как-то по-старинному собирала в косы, её большие зелёные глаза всегда были широко распахнуты, и слегка лукавая улыбка подчёркивала её немного дерзкий и авантюрный склад ума. Анна была девушкой на заглядение. Много парней добивались её расположения, но Анна была неприступна и всегда держалась с мужским полом на небольшом расстоянии.

Ещё в институте, на практике, даже на третьем курсе Ан-

на всегда поражала всех своими находками. Казалось бы, все копали в одном месте, но Что-то существенное удавалось найти только ей. И тогда у нее зародилась идея создать свою группу, которая бы занималась «чёрным копательством». Привитые отцом и переданные ей по крови лидерские качества сделали своё дело и она собрала группу. После окончания вуза, года через три Анна уже ездила на дорогой иномарке и удивляла всех своими успехами. Но всё дело было не просто в одной интуиции.

Анна с детства дружила с одним пожилым профессором, который жил прямо на их лестничной площадке. Владлен Петрович был старым учёным, жившим одиноко на пенсии. Анна выросла почти, что на его глазах, да и вообще то желание отдать себя археологии, пришло к ней не просто так.

Ещё, будучи маленькой девчушкой, Анна случайно забрела в квартиру профессору, увидя открытую дверь. С этого и началась их дружба. С благоговением она смотрела на пылящиеся в шкафах старинные фолианты. Много поведал ей профессор, о старине, многое рассказал и о запретной археологии.

Когда она поступила в институт, профессор помогал ей советами, имея литературу недоступную для других, профессор помогал ей с научными работами такого рода, что педагоги дивились тем знаниям, которые преподносила она.

Позже она ещё не раз обращалась к нему за советами, но теперь её интересовала лишь «черное копательство», о чём

старый профессор не догадывался. Дело в том, что профессор чуть ли не всю жизнь собирал всевозможные книги, рукописи, архивные документы, касающиеся старинных кладов.

В былые советские времена ему не удавалось самому заниматься поискам кладов, но полюбив Анну как свою дочь, он стал посвящать её в эти тайны. Через некоторое время Анна поняла, какой ценной информацией она владеет.

Конечно, серьёзных кладов ей обнаружить пока не удалось, но несколько раз она всё-таки находила со своей группой небольшие клады серебряных и золотых монет, пару раз коллекцию старинных драгоценностей и даже старинное оружие.

Так, Анна в группе сразу стала лидером и пользовалась непререкаемым авторитетом. В её группу входила её самая близкая подруга Вика, тёмная брюнетка, с которой она сдружилась ещё в детстве, в секции альпинизма, Вадим, строгий парень лет двадцати восьми, успевший отсидеть пять лет за грабёж, однако, несмотря на свою криминальную биографию, фанатично преданный Анне за её успехи в «черном копательстве».

В группу также входил бывший спецназовец Олег, крепкий спортивный парень и Роман, давно тайно влюблённый в Анну, учившейся с ней на параллельном курсе и потому готовый идти за ней хоть в ад. Группу дополнял пожилой «чёрнокопатель» нервный мужчина лет пятидесяти, бородатый и

всегда неопрятный, Егор Васильевич.

Он был из тех, кого называли «вечными студентами», этаким несостоявшимся учёный. Но Анна всегда брала его с собой, потому что только он один чувствовал клады и даже без металлоискателя у него был бешеный нюх.

Утро того самого дня, с которого всё началось было немного хмурым и слегка моросил осенний дождь. Уже с утра Анна собралась с визитом к профессору, которого не видела уже месяца два.

Профессор последнее время болел и совсем не выходил из дома. Анна подошла к его двери, сначала позвонила, а потом постучала именно тем кодом, про который знали они только вдвоём с профессором. За дверью было тихо, пока Анна не услышала тихие шаркающие шаги, а потом открылась дверь.

– Это ты Аня? Проходи... – сказал профессор, открыв дверь.

– Здравствуйте Владлен Петрович, – улыбаясь, произнесла Анна и добавила, – А я с гостинцем к Вам. Вот Ваши любимые апельсины и бананы.

– Спасибо, а ты всё ещё помнишь? Спасибо, спасибо ... – произнёс растроганный профессор – Ну говори, рассказывай, как ты? Как успехи на научном поприще?

Однако Анна слегка отвела глаза, ей было неудобно перед профессором за то, что она промышляет «чёрным копательством» и она немного врала ему, что ездит по командировкам от одного исследовательского института в поисках ар-

хеологических находок. Профессор особо не придавал значения её рассказам, хотя и подозревал, что его протеже занимается делами не совсем законными.

– Да так ...скользко ответила она ему – Всё рутина и ничего больше, обычные раскопки.

– Ну ладно Анята ты давай мне правду говори, с чем пожаловала? Только гляди – правду – жёстко сказал ей профессор, но он знал, что никогда не сможет отказать ей, не в одной её просьбе.

– Да я успею всё рассказать. Вы про себя лучше скажите, как Вы? Болеете всё ещё?

– Да ещё болею. Не знаю, врачи советуют на обследование лечь в кардиологический центр, но сама знаешь, что меня силком туда не затащишь. Ладно – старость как говориться не радость. Ты хоть не забывай старого соседа.

– Конечно же, я как здесь бываю, у отца, то сразу к Вам – ответила Анна. Она давно снимала квартиру. И копила деньги на свою собственную, но отца навещала постоянно.

– Ну, так что у тебя интересного? – прищурясь, спросил профессор.

– Ну, вообще дело такое Владлен Петрович. Встретила я дня три назад своего старого однокурсника, а он помешан был всегда на старых дворянских гнёздах.

Не знаю, как его занесло в северные леса, но прибыл он оттуда неделю назад. Хотя как-то он мне рассказывал, что его туда от музея послали в экспедицию, исследовать малые

курганы недалеко от этих лесов. Но я не спрашивала его об этом. Ну, разговорились мы с ним и он мне такое рассказывает. Прошёл месяц с начала их экспедиции, а они не смогли уложиться в рабочий график и решили остаться ещё на месяц. Там их в лагере по его словам, человек десять было.

Ну, вот как-то раз решили они податься ещё дальше к северу, вглубь уйти от основной дороги, что проходит мимо заброшенных деревень, а их там по его словам, где-то пять или шесть встретилось им. А там озеро большое разлито, которое переходит в небольшое болото. А в озеро они по речушке небольшой добрались на лодке. Решили по его словам местность эту исследовать.

И вот когда они назад по озеру плыли, увидел он вдали, сквозь деревья разрушенную усадьбу, причём усадьба как мне он сказал: не совсем обычная, а будто в европейском стиле. Он говорит, что видны были одни руины, видно усадьба совсем древняя и шпили торчали. Хотели, они было к берегу пристать, чтобы усадьбу исследовать, да не смогли, там местность больно болотистая, а они сапог специальных с собой не взяли. Видно рассчитывали на небольшую экскурсию. Вернулись они в лагерь, и планировали вернуться к усадьбе, да их всех в срочном порядке назад отозвали. А он, этот малый простой такой, ну и рассказал мне про это.

– А что за место? Карта есть у тебя – заинтересовался профессор.

– Сейчас, вот я её с собой взяла. Вот Владлен Петрович,

смотрите, вот это место – она развернула перед профессором карту.

Он долго разглядывал её, а потом вдруг кинулся к своим полкам, долго копался в них и наконец, достал большую старинную книгу, в которую уткнулся всей головой. Прошло ещё немного времени, и он начал говорить,

– Ну вот, что голубушка, я так и знал. Это усадьба, да и все эти земли, в том числе и остатки заброшенных деревень, владения графа Сумбурова. Родословная графа берёт своё начало от древнего татарского рода, принявшего православие в пятнадцатом веке и потом совсем обрусевшими.

Последняя датировка по усадьбе относится ко второй половине девятнадцатого века, а вот потом как обрыв. Будто и нет там ничего боле, как все сквозь землю провалились. Тут вот пишут о том, что владения графа зело богаты были и поля его и леса полны дичи. Про графа пишут, что он воевал всю молодость, а потом женился на красавице Ростовцевой, дочери помещика из западных земель. Но боле не слова. ... Не о том были ли дети у них, и почему усадьба в опустение пришла? А может они за границу подались? Ничего непонятно ... Ладно больше ничего сказать не могу, поищу что-нибудь, может, что интересное и найду. Странно всё это, но одно понятно, что видно руины и есть усадьба Сумбурова. – рассказал взволнованный профессор.

– Значит это усадьба графа? – спросила Анна.

– Значит она самая. Знаешь, что голубушка, я тут поро-

юсь в архивах, может и найду что-нибудь ещё, тогда и позволю тебе. Ладушки? – улыбаясь сквозь очки, спросил её профессор.

– Хорошо Владлен Петрович, – в ответ ему улыбнулась Анна и добавила – А я тогда пойду.

– Хорошо, если что узнаю, я сообщу тебе.

– Спасибо и за это Владлен Петрович – обняла его за плечи Анна, а про себя решила обзвонить всю группу.

Анна решила найти усадьбу, во что бы то ни стало. С этими мыслями она направилась к отцу.

Отец Анны был человеком ещё не старым, но всё-таки уставшим наверно от жизни. Несмотря на то, что военная закалка давала знать о себе, отец Анны в последние годы перестал ходить в походы и лазить по лесам. Теперь это стало прерогативой его любимой дочери. Это был сухой мужчина лет около шестидесяти, с почти совсем седой головой. Когда он открыл дверь дочери, она кинулась к нему на шею, и, обняв, прошептала:

– Привет папаня.

– Привет. Как ты? Что не звонила последнюю неделю?

– Пап я за тёплыми вещами, кое-что возьму.

– Ты что опять за приключениями?

– Потом расскажу. Там одна тема нарисовалась, и ты знаешь интересная.

– Что за тема? Профессор подкинул идейку?

– Да нет, наоборот, я сама нашла.

– Ну ладно, только будь осторожна в этих лесах. Береги себя дочь. Ты ведь одна у меня.

– Конечно пап, но ты знаешь, я не одна пойду. Со мной ребята серьёзные.

– Ладно – вздохнул отец, зная, что она всё равно сделает по-своему.

Она, быстро собрав вещи в сумку, перекинула её через плечо, и на ходу поцеловав своего отца в щёку, выбежала из квартиры. Через полчаса она уже обзвонила всех членов группы и договорилась на послезатра выехать на машине в сторону тех мест.

Утро того дня когда они собрались выехать к усадьбе, выдалось ещё более хмурым, но команда вся несмотря на погоду была в сборе.

Роман приехал на микроавтобусе, и они быстро загрузив свои рюкзаки, заехали по дороге в ближайший супермаркет, прикупив продукты. Через некоторое время они уже мчались по трассе в сторону северных лесов. Внезапно у Анны в кармане зазвонил мобильный.

–Я слушаю... Владлен Петрович?

–Слушай Аня. Я тут перерыл массу архивов и исторических справок, даже пришлось съездить в одно место, по старой работе. Короче удалось мне найти кое-что, но боюсь тебе это не понравится. А ты что уже едишь туда?

–Да Владлен Петрович.

–Аня, милая прошу тебя, отмени поездку, не суйся ту-

да. Я прошу тебя – вдруг взмолился профессор.

– А в чём дело профессор? – недоумённо спросила Анна.

– Это случилось с ними почти, что около двухсот лет назад.

– Что, что случилось с ними?

– Они все погибли. И граф Сумбуrow и его жена – красавица, и мать его, и ещё какие то родные, и слуги. Все погибли, все кто жил в усадьбе и причина не указана, но после этого все крестьяне близлежащих деревень стали покидать насиженные места и уходить прочь оттуда. А саму усадьбу и всю округу стали считать проклятыми местами. Прошли годы, и людей вокруг не осталось, а путники, которые случайно оказывались в тех местах, а ещё хуже на ночь в усадьбе ... Вообще их больше не видел никто, они пропадали и потому все старались объезжать усадьбу стороной. Никто не знает причину всего, не в каких источниках я нашёл больше ничего. Но я прошу тебя, не езжай туда. У меня плохое предчувствие – с трудом, стараясь скрыть волнение, говорил профессор.

– Я поняла профессор Вас, но поздно мы уже в дороге, а в мистику как Вы знаете, я не верю.

– Ладно, тогда береги себя. Я всё сказал: удачи тебе Анна.

– Спасибо профессор – задумчиво ответила ему Анна.

– Что случилось? – спросил сидевший за рулём Роман.

– Да ничего, всё нормально – ответила Анна.

А машина несла их всё дальше и дальше, туда, где их

должна была встретить судьба. Особо никто не общался друг с другом пока они ехали по дороге, Кроме Анны и Вики. Девушки давно не виделись и потому с радостью передавали друг другу всякие новости. К вечеру следующего дня они уже были близ одного из населённого пункта, обозначенного на карте.

– Где ты говоришь это место? Ну, ка покажи? – спросил у Анны Егор Васильевич, когда они въехали в ближайший посёлок.

Анна достала карту и маркером показала место, где должна находиться усадьба.

– Вот здесь. До леса ещё где-то километров двадцать, ну вдоль речки может чуть меньше, а вот, сколько по болоту не знаю... – ответила она.

– Ладно, я предлагаю сегодня здесь заночевать, а завтра двинем на микроавтобусе до самой крайней деревни, ну а дальше придётся машину оставить где-нибудь и дальше пешком идти – сказал Роман.

Вся команда быстренько нашла на ночь дом, где им разрешили переночевать, а утром они уже через час были в самой последней деревни, где ещё жили люди. Здесь они договорились оставить микроавтобус на время и дальше пошли пешком. Долго им пришлось идти вдоль реки. По дороге им встречались повсюду старые, трухлявые, полусгнившие, заброшенные дома, разбросанные в разных местах, а иногда лишь их развалины.

Повидимому здесь, когда-то, много лет назад жизнь была ключом, но теперь всё было покрыто древней пылью и паутиной времени.

Так, двигаясь вдоль реки, они вскоре вышли к тому, что наверно и было болотом. Однако прямо на краю от него они вскоре нашли брод, небольшие островки, переходящие в маленькую тропку, которую окружала сплошная вода. Наверно это были остатки широкой дороги, ведущей прямо к усадьбе графа Сумбурова.

– Странно, почему мне мой однокурсник не сказал про брод – сказала Анна.

– А может он и не знал про него – ответил Роман.

– Я думаю, что они по реке плыли, скорее всего, по ту сторону и видели остатки усадьбы с другой стороны, а болото они просто не исследовали, – сказал всё это время молчавший бывший спецназовец Олег и добавил – Ну, что скажете? Пойдём по нему?

– Судя по этой тропе, я думаю, что это остатки заброшенной дороги ведущей к усадьбе. Ну, сами посудите, прошло более полутора века. Что Вы хотите? – ответил всем Егор Васильевич.

– Ладно, пойдём по ней – сказала Анна и первая стала одевать длинные болотные сапоги, которые висели у каждого за спиной.

Через некоторое время они уже шли по этой тропе. Болото встретило их странной тишиной, словно здесь не было

совсем никаких обитателей, не рыб, не жаб. Все звуки куда исчезли.

Болото нельзя было назвать болотом, скорее всего это было такое озеро, хотя временами попадалась и топь с выступавшей навверх тиной. Прямо из озера торчали широкие стволы деревьев, встречались высохшие коряги. Однако узкая тропа была сухой и лишь местами она прерывалась на метра полтора, уходя под воду. Но они преодолевали и эти топкие места. Они шли довольно долго.

– Смотрите вот она – вдруг услышали они голос Анны.

Впереди будто из ниоткуда появились острые шпильи замка, если так можно было бы назвать эту усадьбу, но дальше всё скрывали деревья.

Пройдя ещё метров пятьсот, вся группа вышла к большому острову, посреди которого лежали руины усадьбы. Это были именно руины, а иначе никак нельзя было назвать то, что они видели сейчас.

Часть усадьбы была совсем разрушена, часть наполовину, но как не странно хорошо сохранилось её главное здание, с острыми шпилями на крыше. Выйдя на сушу, они побросали свои рюкзаки и стали внимательно смотреть на то, что было когда-то усадьбой.

– Так, давайте палатки ставить, а то дело к ночи – произнёс Егор Васильевич. Когда совсем стемнело, они уже грелись у костра, а три палатки были установлены. Поужинав, они решили лечь спать, чтобы завтра с утра приступить к

работам.

Ночь выдалась тёмной, и им казалось, что в мире нет больше никого кроме них, на этом острове забвения. Потом все пошли спать, кроме Егора Васильевича и Романа, которые ещё долго, чуть ли не до раннего утра сидели и разговаривали на разные научные темы. Где-то вдали одиноко ухал филин.

Утро выдалось снова пасмурным, но холодно не было, напротив было даже немного душно. Егор Васильевич объявил всем, что хочет обследовать главное, чудом сохранившееся здание. Вика и Олег вызвались пойти с ним. Роман предложил Анне попробовать исследовать правое полуразрушенное крыло здания, а с ними вызвался пойти и Вадим. Обходя здание, они наткнулись на две полусгнившие палатки.

– Да видать здесь до нас уже побывало немало людей, – сказал Егор Васильевич.

У Анны же порой появлялось такое чувство, будто кто-то незримый – наблюдал или следил за ними откуда-то издалека. Они внимательно обследовали то место, где были остатки полусгнивших палаток, но ничего кроме ржавого топора и лопаты они не нашли. После этого они разделились на две группы.

Анна, Роман и Вадим начали обследовать правое крыло усадьбы от разрушенной стены, внизу которой было что-то похожее на какой-то полуподвал, а может раньше это был первый этаж усадьбы. Стены здания были жёлто-зелёного

цвета, однако они были достаточно толстыми, и скорее всего, рухнули из-за притока подземных вод, подточивших снизу здание. А кое-где стены были покрыты толстым слоем гари.

– Мне одному кажется что тут, когда-то был сильный пожар? – произнёс Роман.

Роман с Вадимом взяв в руки лопаты начали подкапывать именно с той стороны, откуда виднелся вход в подвал. Однако неожиданно раздался визг Вики, и они бросились к главному зданию. У осыпавшейся стены лежало три скелета, а рядом стояли Егор Васильевич, Олег и Вика.

– Похоже, что кроме нас, когда кто-то уже здесь побывал – сказал Егор Васильевич – Ладно мы продолжим сейчас раскопки внутри усадьбы, а Вы продолжайте в правом крыле.

Анна с товарищами вернулась к правому крылу и вскоре Роман с Вадимом совсем откапали вход то ли в подвал, то ли это был бывший первый этаж усадьбы. Им открылась арка, выполненная в готическом стиле с полуразрушенными барельефами в виде голов львов.

– Ну что пошли? – спросил Роман.

– Давайте я первый, – сказал за всех Вадим и первым вошёл внутрь.

Помещение, в котором они оказались, представляло собой довольно ветхий, но очень просторный зал, по углам которого стояли полуразрушенные столбы, выполняющие роль подпорок.

Усадьба явно наполовину ушла под землю, и повидимому

это действительно произошло из-за притока подземных вод. Мраморные, потрескавшиеся полы по колени были в мутной болотистой жиже. Однако в самом конце зала они увидели, что зал плавно переходит в длинный узкий коридор.

Вадим кивнул им головой, показывая, что надо пройти вперёд. Осторожно ступая, они двинулись дальше, и жижа вскоре исчезла, и они уже шли по сухому, но разбитому мраморному полу. Коридор вывел их к каменной лестнице, которая резко уходила вниз.

– Ну что пойдём? – сказал Вадим, и они включили фонари, так как стало совсем темно.

Осторожно ступая по лестнице, они стали спускаться вниз. Спуск был долгим, как будто усадьба состояла ещё из нескольких этажей. Лестница привела их к такой же арке, какая была при входе. Они вошли внутрь и оказались в ещё одном зале, но меньших размеров, чем первый. Вадим посветил фонарём на стену и увидел впереди, прямо перед ними раскученную стену и разбитые вазы и горшки.

– Я думаю, что здесь нужен металлоискатель – сказал он.

– Ладно, на сегодня хватит, я предлагаю продолжить завтра – сказал Роман.

Тройка покинула разрушенную усадьбу. Дело шло к вечеру. Егор Васильевич, Вика и Олег уже сидели у костра, когда к ним присоединились остальные. Анна решила спросить у всех членов группы,

– Как думаете, здесь есть что-нибудь? Я, например, чув-

ствую что есть.

– Я поддерживаю Анну – сказал Егор Васильевич – Надо искать полюбому и я завтра начну работать с металлоискателем.

– Ребята, а мы продолжим поиски в нашем направлении – добавила Анна.

Они поужинали и разошлись по палаткам. Прошла вторая ночь их пребывания на острове.

Анна стояла снова в том же зале, а Роман с Вадимом работали со вторым металлоискателем. Однако пока кроме как нескольких серебряных вилок, двух медных монет и медного креста ничего не нашли. Анна светила фонарём на раскуроченную стену, внимательно изучая слабо выступающие рисунки на ней. Рисунки были на библейские темы и еле еле просвечивали сквозь сырую плесень старины. Глубина этих рисунков поразила её своей суровостью, готичностью, свойственную больше западноевропейскому стилю. Внезапно свет её фонаря упал на небольшой мраморный монолит, выступающий прямо из пола, в углу зала.

Странно как мы вчера не заметили его – подумала она.

– Ребята смотрите! – позвала она Романа и Вадима.

– Что это? – произнёс Вадим.

– Мрамор, похоже – сказала она – только почему мы вчера не заметили.

– Анна смотри – произнёс Роман и дотронулся на небольшое углубление в центре монолита, который тут же резко

ушёл в сторону, открыв прямо в полу широкую ржавую, железную дверь.

Анна переглянулась с ребятами, а Вадим, схватившись за ручки двери, потянул её на себя. Они посветили вниз фонарём. Вниз от двери уходила такая же ржавая, как и дверь, железная винтовая лестница.

– Ну что? – спросил Вадим – Я первый пойду. – Сказал он и полез вниз.

За ним полез Роман, а потом и Анна. Винтовая лестница привела их в каменный бункер, если так можно было бы назвать это помещение, на современный манер. Они начали освещать вокруг себя фонарём. Удивление и восторг застыл на их лицах. Помещение было заставлено старинными гранитными или мраморными статуями, железными коваными ящиками, похожими на сундуки и ещё всяким, но уже полу-сгнившим хламом.

На стенах они заметили бронзовые подсвечники, в которых была залита, какая та жидкость и из них торчали фитили. Роман поднёс сначала к одному зажигалку, а потом к остальным. Свет фонарём осветил комнату, и им предстала ужасающая древность. Толстый слой пыли, и клубки паутины покрывали всю эту комнату.

– Ребята, похоже, мы нашли то, что искали – в восторге произнесла Анна.

– Статуи мраморные, античные – сказал Роман – Вот они находка, но давайте посмотрим, что в сундуках.

Сундуков было пять, четыре совсем маленькие, а вот пятый был очень большой и к тому же на нём висел большущий замок. Они открывали один сундук за другим, на них не было замков и лишь в двух нашли два десятка серебряных монет, старый, ржавый пистолет, кинжал и полуистлевшие старинные книги.

– Дааа не густо ... – произнёс Роман.

– Хоть что то – сказал Вадим.

– Статуи не простые, мы ими потом займёмся – ответила им Анна и показала рукой на самый большой сундук с замком – Вадим неси инструменты, надо открыть – скомандовала она.

Через некоторое время Вадим уже разбивал замок. К ним спустились в это время и Егор Васильевич с Викой и Олегом. Они о чём-то радостно говорили.

– Анна, а у нас есть кое-что! – громко сказал Егор Васильевич и показал ей завёрнутые в тряпку дюжину золотых монет.

– Где нашли? – спросила Анна.

– Не поверишь, у входа, в земле. А у Вас что? Интересное место ... – сказал он ей.

Вадим нанёс по замку последние удары, и они с Олегом с трудом открыли его тяжёлую крышку. Свет их фонарей упал на сундук. Внутри него, на самом дне лежала большая восковая кукла ребёнка, точнее мальчика, изготовленная во весь человеческий рост соответствующий его возрасту, большая

книга в кожаном переплёте, и гранитная шкатулка.

– Что это? – прошептала Вика.

Егор Васильевич достал восковую куклу, которая поражала своей точностью изготовления с человеком. В ней все было натурально, до какой-то холодной жуткости, исходящей от неё. Волосы, полуисстлевшая одежда того времени и глаза... Они были как живые и смотрели на них с каким-то испугом.

– Ничего себе... – сказал Егор Васильевич – Странная кукла.

– Ну, ка можно я взгляну в книгу – сказал Роман и достал из сундука огромный, покрытый толстым слоем пыли древний фолиант.

Он открыл его.

– Что за непонятные знаки? – спросила Вика.

– Это руны деточка, – произнёс Егор Васильевич.

С трудом листая толстые кожаные страницы книги, они видели начертанные в ней странные письмена, знаки и рисунки. Это были изображения мальчика, лесных зверей и какого-то огромного существа, больше похожего на адскую пометь волка, медведя, кабана и наверно чуть-чуть от человека. И наконец, на самых последних страницах книги, появился знакомый им древнеславянский язык.

– Я попробую прочитать, – произнёс Егор Васильевич, – «Сын духа лесного мстью одержим. Кровью людской он напётся. Ты человек заповедь – не убий, забудь, ибо он снова

вернётся. Кровью людской он умоет тебя, души забрав на откуп отца. Ты человек, сына убей, а прах заключи в шкатулку. Куклу из воска слепи. Демон в ней иначе проснётся».

– Что значит это? – прошептала Анна.

– Пока ничего не могу сказать – ответил Егор Васильевич – а вот ещё тут на заклинание похоже, да точно, слова странные, но сначала ещё идёт древнеславянский текст: «Демона этого в рабы заключи. Но если враг у тебя затаится и тогда ты потомкам скажи, Нотур, Омен, Гварту, Донем и Демон вернётся» – закончил Егор Васильевич.

– Как Вы сказали? – переспросила Вика.

– Нотур, Омен, Гварту, Донем – произнёс Егор Васильевич, но после его слов вдруг порыв ветра, непонятно откуда взявшийся в этом подвале, задул все настенные светильники.

– Не надо произносить эти слова – прошептала Вика – мне почему-то жутко.

– Всё нормально, Вика не паникуй – сказала Анна.

– Вообще то это больше похоже на латинский, но это и не латинский – роговорил Егор Васильевич.

– Жуть какая-то, мистика – снова пробормотала Вика.

– Слушайте, а Вам не кажется всё это странным – произнёс Егор Васильевич.

– Лично я не верю в мистику, – сказал бывший спецназовец Олег – Я верю в это – и он вытащил большой нож из ножен.

– А я верю в науку, – сказал Роман.

И только, отсидевший когда-то за разбой Вадим промолчал. Это был хмурый парень, прошедший все ужасы зоны. Когда-то Анна сильно помогла ему, после отсидки. Поверила в него, взяла на первое дело, помогала деньгами, и он готов был, если надо умереть за неё, может быть. Сидельцы были народ суеверный и оставались такими на всю свою жизнь. Вадим чувствовал, что в этой истории есть Что-то не от мира сего.

– Когда мы ехали сюда, помните, мне позвонили, – сказала Анна, – Это был профессор. Он меня так, взволнованно просил по телефону пока не поздно отказаться от поездки. Объяснял тем, что раскопал, что-то типа легенды про усадьбу.

– А что за легенда? – спросил Егор Васильевич – Ты вроде как говорила, что хозяином был граф Сумбуров.

– Да он самый. Вообще это была середина девятнадцатого го века, крепостные крестьяне и всё в таком роде. У Сумбурова была красавица жена, и они жили в этом замке. И ещё вроде, какие то родственники жили здесь. А потом все погибли, вся челядь разбежалась, крестьяне побросали и деревни. Усадьба пришла в упадок и никто не знает причины того что случилось. Род Сумбурова погиб. Он предупредил меня, что все кто приходили потом в брошенную усадьбу пропадали. – рассказала Анна.

– Чёрти что... – сказала Вика.

– Ладно, я предлагаю содержимое сундука оставить пока

в нём. — сказал Егор Васильевич — А что лёгкое пока вынесем наверх. Мистика мистикой, а находки собирать надо. И я думаю, что усадьба нам ещё много что интересного откроет.

Анна последней покинула подвал, и душа у нее была не на месте.

Ночь пришла быстро и скоро уже все спали в своих палатках, а недалеко тлел костёр. Иногда Егор Васильевич вставал и подбрасывал в него дрова. Анна долго не могла заснуть, какое-то мятежно-тревожное чувство не давало ей сделать это. Рядом в спальном мешке уже видела седьмой сон Вика. Девушки спали в одной палатке. Анна долго ворочалась и как-то незаметно для неё вдруг всё смешалось. Сон и явь, реальность и пребывание в мире снов и видений. Позже, когда прошло много лет, она не могла объяснить даже сама себе, те ощущения, которые были у нее.

Стояла уже глубокая ночь, когда Анна встала и вышла из палатки. Необузданная сила, неподвластная и неконтролируемая ей, заставила её направиться в усадьбу, в подземелье, в котором они нашли сундук и его содержимое. Она зашла в усадьбу, спустилась в подвал, зажгла спичками светильники на стенах, а потом подошла к сундуку, открыла его крышку.

На дне сундука лежала восковая кукла, кожаная книга и шкатулка. Пребывая в какой-то сомнамбуле, и совсем не осознавая, что она творит, Анна долго смотрела на всё это, а потом достала куклу, и, держа её перед собой, Как-то незаметно для себя провалилась во Что-то тёмное, что обволо-

ло её всю, с ног до головы.

Тёмная сущность поглотила её, и Анна погрузилась в другую реальность. Она вдруг увидела себя в том, далёком прошлом, в котором всё и началось. Она стала незримой свидетельницей событий, в которых человеческая трагедия достигла своего пика. И всё это она увидела через призму веков...

Глава третья

Алексеюшка

Варвара была девочкой скромной, но дюже сильно любопытной от природы и при этом очень весёлой. Родители воспитывали её в благочинном смирении и христианской морали. Родилась она в обычной крестьянской семье, в самой ближайшей деревеньке вотчины графа Сумбурова. И её семье была дана особая привилегия, поставлять в усадьбу графа молоко, сливочное масло, творог и сметану.

Несколько коров, за которыми смотрела её семья, должны были быть особенно чисты, и за ними трепетно смотрела мать Варвары и её две старшие сестры. В их обязанности входило каждое утро приносить свежее молоко на кухню усадьбы. Варвара была самой младшенькой, но крестьянская жизнь научила её вставать чуть не свет не заря и помогать старшим сёстрам, хотя много ли могла в чём-то помочь эта-

кая пигалица.

Однако ей всё было в диковинку, и в силу своего весёлого нрава Варвара всё это находила для себя не столько работой, сколько приятным развлечением.

Маленькая, рыжая, конопатая, как говорили в деревне, от горшка два вершка, она бегала то тут-то там и всегда задорно смеялась. Она носилась и успевала везде побывать за короткое время. То одной сестре в коровник воды принесёт, то другой успеет сена натаскать, то матери чашек отмыть и все её любили, всем она была в радость.

Варвара как маленькое Солнце светило повсюду. Особо её любил отец, который от зари до зари трудился в поле, но вечерами, когда вся семья садилась ужинать за одним длинным столом, он всегда сажал малышку на колени и любил поговаривать» Моя маленькая услада». А малышка обвивала шею отца своими ручонками и заходила в радостном, счастливом смехе.

Коровки у них все были ухоженные, красивые, одна лучше другой, а самая из самых у них была Бурёнка. Большая статная, тёмно – коричневая корова, которая и давала очень жирное молоко, из которого они и делали масло, да сметану на стол графа Сумбурова.

Однако так случилось, что заболела Бурёнка в последнее время и первой заметила это Варварушка. Стала кормилица графская вдруг незаметно худеть на глазах, словно чахнуть. Но никто этого сначала не замечал кроме одной Варваруш-

ки. Красивая статная Бурёнка с каждым днём становилась всё грустней и грустней, незаметно у нее и жирность в молоке пропадать стала, а потом оно и вовсе в жидкое превратилось, будто водой размешанное. Но это всё потом было, а когда только Бурёнка сохнуть стала, зашла к ней как-то Варварушка и говорила с ней,

– Милая моя, Бурёнушка, что с тобой? Заболела ли ты? Кормилица наша, – при этом она обнимала корову, а у той капали из глаз самые настоящие человеческие слёзы.

Варварушка всем сердцем переживала за неё, словно за мать свою. И она заплакала вместе с ней. Но корове становилось всё хуже и хуже, а потом и молоко совсем пропало, а корова уже не вставала с земли, будто ждало своей кончины. Мать Варвары убивалась, она уже и в усадьбу сообщила графине Елизавете Николаевне о болезни всеобщей любимицы.

Все убивались, и знахарку вызвали с другого села, только та придя один раз, ничего толком не сказала: но видно было, как ужас на лице её отпечатался. А после этого пропала совсем куда-то, говаривали, что в лесу затерялась. А потом следом и вторая корова чахнуть стала, потом и третья. Но Бурёнушка жива ещё была, правда только лежала она, да смотрела на людей, будто вопрошая их о чём-то.

И вот в одну из ночей явился сон Варваре странный, и увидела она в нём, что чёрная птица с небес сходит, и глаза Бурёнушке выклёвывает. Проснувшись Варвара в смятении, а сама слезами обливается и решила тихонечко в коровник

сходить. Одедась наспех и вышла в горницу, а потом в коровник пошла. Когда подошла она к коровнику, то услышала тихие такие стоны, совсем как человеческие и чавканье непонятное.

Почти ползком Варвара пробралась в коровник, и, подкравшись к Бурёнке, увидела, как на ней будто сидит кто то, силуэт странный, как человеческий. Пытаясь разглядеть, что же это такое, преодолевая свой страх, она подкралась ещё ближе. А с маленького оконца сбоку на коровку падал слегка слабый лунный свет. И увидела она то, что её как дара речи лишило. Нечто отпало от шеи Бурёнки и вперило глаза на Варвару.

Этим нечто был девятилетний сын графа – Алексеюшка.

– ББББ- аарин – только и произнесла девчушка, поражённая тому, что увидела.

А неё смотрел маленький граф, своим мертвенно – бледным лицом, и с уголков его рта текла кровушка Бурёнки.

Варварушка начала еле- еле пятиться назад, а лицо маленького графа исказила страшная злоба, и он, зарывав, как дикий волк, кинулся на неё, и в мгновение повалив её оземь, впился ей в горло, как дикий обезумевший зверь. Граф раздирал её нежную плоть своими зубами и пил её кровь. А среди ночи раздался её страшный последний вопль, на который поднялась вся её семья и бросилась в коровник. Но никого кроме мёртвой Варвары и умирающих коровок там уже не было.

Варвару хоронили всей деревней. Безутешно было горе материнское, а отец так чуть умом не тронулся. Слух потом в округе пошёл, что мор идёт, и началась сумятица среди крестьян.

Но это только начало сказа про то, как род Сумбурова умер.

Племяннику графа Сумбурова было около двадцати пяти лет. Это был худощавый, флегматичный юноша, рано оставшийся без родителей. Однако на вид ему можно было дать больше. Копна жидких, чёрно – смолянистых волос длинными прядями спадала ему чуть ли не до плеч. Он не любил охоту как его дядя, и свободное время проводил за чтением книг и уроками фехтования.

На военную службу его не взяли, как сказал граф из-за чрезмерной худосочности. Когда много лет назад граф привёз в усадьбу крошечного мальчика в колыбели, то племянник не выразил при этом не восторга, и не радости. Он не любил детей и они не вызывали у него никаких чувств.

Всё желание молодого человека состояло в одном, как можно быстрее уехать из этой дыры, как он называл усадьбу графа, несмотря на всё её великолепие. Он стремился в Петербург, куда его обещал устроить на службу в одно из ведомств, один из влиятельных родственников по материнской линии.

А мальчик, найденный в лесу много лет назад графом, постепенно рос, и жена графа полюбила его всем сердцем.

Это был чудный малыш, вечно весёлый, задорный, улыбающийся всем и вся. Его полюбила и вся прислуга графа. У сына графа Сумбурова, а теперь все его считали именно сыном, были красивые золотистые волосы, правильные черты лица и только глаза у него были какого-то стального, немного неестественного цвета.

Один лишь Матвей, который нашёл его в ущелье, почему-то сторонился малыша. Елизавета Николаевна безумно полюбила своего сына, она приняла его всем сердцем и считала малыша подарком небес. Она баловала его как могла.

Просторная комната малыша была вся забита игрушками, перинами и подушками. Что и говорить, появление мальчика внесло в жизнь графа и его супруги свет, яркий как луч утреннего солнца.

Мальчик рос, и всё в его поведении говорило о том, что роль молодого графа, которую он принял на себя суть ли не с пелёнок, пришлась ему весьма по душе. Алексеюшка был очень смышленным, рано научился читать и писать, и с удовольствием изучал все начальные науки.

И вот как-то раз, летним ранним утром, когда роса ещё лежала на траве, племянник графа выехал на лошади, на утреннюю прогулку. Прошёл месяц после смерти Варварушки, однако среди крестьян упорно ходили слухи, что в округе появилась какая-то нежить. Бурёнка в семье Варвары вскоре умерла, а после неё и ещё две коровы, но на этом падёж среди коров и мор вродебы только начавшийся, прекратились.

Потихоньку сумятица среди крестьян стала идти на убыль, хотя в семье Варвары попрежнему было горе.

Племянник решил прогуляться по лесу, и, найдя укромную лужайку, расположиться на ней, решив почитать необходимую литературу. Он готовился к сдаче экзаменов на службу, на которую его обещал устроить влиятельный родственник. Найдя такую лужайку среди леса, он спешился с лошади, и, развязав мешок, висевший за его спиной, достал оттуда подушку и книги.

Углубившись в чтение книги, он не заметил, как солнце разморило его, и он заснул. Проснулся он, когда уже солнце садилось за горизонт и тени от деревьев стали закрывать лужайку. Пора домой – подумал он и положив подушечку и книги в мешок, хотел было взобраться на лошадь, как к своему удивлению увидел что её нет рядом.

– Лада, Лада! – стал он её звать, но лошади нигде не было.

А в лесу становилось всё темней и темней, и, поняв, что ему надо быстрее идти домой, племянник пошёл обратной дорогой. Однако как только он покинул лужайку, то тут же наткнулся на труп лошади. Он чуть не споткнулся об неё. Ещё было достаточно пока светло, и он заметил под лошадью лужу крови. Внимательно посмотрев на неё, он увидел рваную рану на шее лошади, из которой сочилась кровь.

Он в ужасе отшатнулся от неё, и, попятившись назад, кинулся прочь напрямую через заросли кустарника. Он бежал и бежал, чувствуя всем своим нутром как кто-то преследует

его. И действительно он увидел, как по кромкам верхушек деревьев прыгает ему вдогонку, какое-то существо. И оно на самом деле преследовало его. Ему ещё более стало страшно, и он в ужасе ускорил свой бег.

До усадьбы оставалось совсем немного, но добежать до владений графа он не успел. Существо ринулось на него с крайнего дерева, и, прыгнув сзади на его плечи, обхватило его стальной схваткой.

– Отцепись! Отцепись! – закричал племянник, и кое-как повернув голову, увидел перекошенное от бешенства мертво – бледное лицо молодого графа.

– ТЫ?! – в ужасе закричал он, но в этот миг мальчик, сидевший на нём, поднял голову к небу и завыл как дикий волк, а потом, оскалив зубы, вцепился в шею племянника и начал разрывать её зубами.

Племянника нашли поутру, а через два в усадьбе графа были убиты мать графа и два её престарелых брата. У них также на шее как у племянника были рваные раны. Будто кто-то выпил из них всю кровь.

Ужас накрыл земли графа. Народ стал роптать, а из города приехали жандармы с урядником. Граф с супругой были в страшном смятении, и горе поселилось в их душах. Они не могли ничего понять. Жандармы начали расследование, опрашивая всех крестьян в соседних деревнях и слуг графа, но ничего не нашли. В округе поселилось зло, и никто не мог понять, что это было за зло, и кто наслал его на владения

графа.

Так прошёл ещё один месяц. Жизнь в усадьбе шла, казалось бы своим чередом, но всё уже было по-другому. Страх теперь стал второй жизнью семьи графа и его слуг. Приказчик немец забрал свою семью, бросил усадьбу и уехал в неизвестном направлении. Потом исчез и повар, объявившись через пару месяцев в имении соседнего помещика. Оставшиеся слуги графа роптали, но продолжали жить, а куда им ещё было деваться. Приближалась зима ...

Все думали, что зло покинуло эти земли, но они ошибались.

Это случилось вечером, когда в зимнюю пору солнце слишком рано садиться за горизонт. Граф Сумбуров с женой сидели в своём просторном зале перед камином. Граф, сидя у красивого резного столика,пил мадеру, бокал за бокалом, а Елизавета Николаевна читала какую-то книгу.

Няня недавно проводила маленького графа в его комнату и уложила спать, а сама ушла к себе. Так прошло два часа, как внизу, прямо перед усадьбой раздались сумасшедшие крики людей. Елизавета Николаевна вскочив как ужаленная, словно ждала чего то, бросилась сначала к окнам, а потом вниз, на первый этаж усадьбы. За ней, прямо в халате, кинулся и сам граф.

Они выбежали во двор усадьбы. Там стояла толпа крестьян, которые махая руками о чём-то кричали и галдели.

– Что? Что братцы случилось?! – закричал граф.

– Барин, барин, дозвожь мне молвить, – выдвинулся из толпы Матвей.

– Говори Матвей что случилось?

– Барин, тут народ с деревни пришёл. ... Ну, короче. ... Тут дело такое... – мялся с ноги на ногу Матвей.

– Да говори, в чём дело?

– Ладно, – выдвинул Матвей вперёд маленького мужиченку – говори.

Мужиченка, потоптавшись, начал говорить:

– У меня жёнка Пелагея, вечером пошла за водой. А когда шла с вёдрами, увидела лошадь нашу у стойла. Темно было, она и не поняла сначала ничего. А лошадь вдруг как на дыбы встанет, и давай ржать. Пелагея с вёдрами в снег и упала. И видит, как с лошади как спрыгнет кто-то. Она и не поняла ничего, а потом глянет и от страха, теперь заикается она даже...

– И что? Что видела она? – спросил граф.

– Барин! – вскричал мужиченка, и, упав на колени, продолжал кричать – Барин, барин, прости, прости за правду. Это... Это молодой барин был, сын Ваш. Он с лошади спрыгнул, он с её шеи кровушку пил ... – затрясся от слов этих мужиченка.

– Да что мелешь ты!!! – вскричал барин – Я сейчас велю выпороть тебя!

– Что? Что говорит этот человек? Не может быть этого? Вы как смеете? Мой сын спит у себя в комнате. Марфа! Мар-

фа! – кричала Ольга Николаевна, позвав няню молодого графа.

– Да барыня!

– А ну сходи в комнату и проверь сыночка нашего! – командовала Ольга Николаевна.

– Будет исполнено барыня! – побежала в покои графа его няня.

Но через мгновение раздались её страшные крики. Граф Сумбуров с женой кинулись в комнату сына. Вслед за ними бросился Матвей с двумя мужиками.

Прямо на пороге, на коленях сидела пожилая женщина, судорожно крестилась и как в столбняке бормотала одно и то же.

– Спаси и сохрани! Спаси и сохрани! На кровати на четвереньках сидел их сын, а перед ним лежала оторванная голова чей-то лошади. Присосавшись к ней, граф пил её кровь, чавкая и урча от удовольствия. Вся комната была залита кровью. Увидев это, Ольга Николаевна сразу лишилась чувств, а граф закричал как безумный, упав на колени,

– Господи! Отец Вседержитель прости нас грешных!

И лишь один Матвей с мужиками кинулись к молодому графу. Но не тут-то было легко схватить его. Маленький мальчик, оторвавшись от головы лошади, как безумный бросился на них. Страшная, нечеловечески демоническая сила появилась у него.

Маленький ребёнок хватал мужиков за грудки, он легко

расшвырял их, а потом, упав на четвереньки, завыл как дикий зверь:

– УУУУУУУУУУУ!

Но в этот миг подоспели другие мужики, которые накинули на него верёвки и молодой граф был связан по рукам и ногам.

Прошло два дня. Не стал пока граф Сумбуров вызывать полицию, ведь дело касалось их сына. Елизавета Николаевна заболела после этого и лежала всё время в спальне, а молодой граф связанный находился в своей комнате, ни на что, не реагируя, он смотрел в одну точку пустым холодным взглядом. Временами, однако, он выл словно одинокий волк или жалобно скулил и тогда у графа с женой разрывалось сердце от боли.

– Ты понимаешь голубушка моя, надо что-то делать. Так дальше продолжаться не может. Народ ропщет, крестьяне, да и все домочадцы в смятении. А вдруг смерти племянника, моей матери и дядей связаны с ним.

Ты ведь видела его глаза, когда он пил кровь у этой несчастной лошади, которая, кстати, из хозяйства Кучеровых. Да надобно ему за лошадь ещё возместить. Я понимаю, что это не доказательства ещё, но ведь это пока всё ещё сын наш. Я бы даже сказал: что здесь пахнет чертовщиной какой-то. И не забывай дорогая, что я ведь в лесу его нашёл, – доказывал Сумбуров жене о сыне, сидя у её кровати.

– Хватит, хватит. Я не могу слушать, – залилась слеза-

ми Елизавета Николаевна, – Он сын мой, сын, понимаешь, я люблю его и он болен, болен. Да я понимаю, что надо Что-то делать, но что? А может вызвать батюшку из монастыря, что на Серёгиной горе? Говорят, там есть сильный такой.

– Незнаю, незнаю голубушка. Незнаю...

– Он сын мой, сын ...Он одержим. И мы должны спасти его, спасти... – заходила в рыданиях графиня.

– Прости голубушка, я право незнаю что делать. Но могу сказать одно, что он опасен и это надо признать. Я не сообщил в полицию, но сама знаешь, как быстро расходятся слухи и завтра может быть поздно. Они могут сами всё узнать и приедут сюда. Да он болен, болен – говорил граф, сокрушаясь всем сердцем и качая головой.

Жизнь для Сумбурова и его жены стала мрачной, и свет им стал не мил, скорбь легла на их сердца. А Алексеюшка продолжал лежать в своей комнате, связанный. Граф Сумбуров не мог думать не о чём, кроме маленького графа. У него всё валилось из рук, все дела он забросил, а большую часть работников, он распустил по своим деревням. В усадьбе остался только верный Матвей с двумя мужиками, няня молодого графа, две горничных и новый повар.

Прошло ещё несколько дней, и вот как-то утром к воротам усадьбы подъехала бричка, из которой вышла пожилая женщина, попросив впустить её. Матвей впустил, и она настойчиво стала просить его, пропустить к графу, дескать, дело касается его сына.

– Ну, говори, кто ты и откуда будешь? – спросил у нее граф, посмотрев ей в глаза, от которых у него почему-то ослабли колени.

Это была старая женщина, похожая на обычную мещанку из какого-то небольшого городка, хотя в её облике что-то говорило о том, что она была не простым человеком. Большие немного насупленные брови, и длинный нос с горбинкой, глаза которые пронизывали графа, и от её взгляда ему становилось холодно.

– Ненадобно тебе барин знать, откуда я. Просто прими то, что я здесь, как должное. А я здесь, чтобы помочь тебе. Не спрашивай и откуда я знаю про горе твоё. Лучше скажи, ты хочешь спасти его и остановить всё это?

Граф долго молчал, а потом молвил:

– Да хочу.

– Тогда слушай. Я проделала долгий путь, чтобы приехать и сказать тебе это. Я ещё раз скажу, не спрашивай, откуда я знаю. Завтра поутру, седлай лошадей и возьми с собой одного человека. Езжай на север, к Улагиевским лесам. Там есть небольшая гора, а в ней пещера. Найдёшь её. В пещере той живёт отшельник, старик один. Про него никто не знает, кроме избранных. Старик тот ведьмак сильный. Только он поможет тебе. Езжай быстрее, а иначе поздно будет – говорила она тихим голосом.

– Я верю в Спасителя нашего, как я могу на поклон к ведьмаку идти? – спросил Сумбуров, чувствуя, что у него по спи-

не бежит холодный пот.

– Случай твой непростой, ведьмак тот один и поможет. Здесь церковь бессильна. Больше меня не спрашивай не о чём, просто езжай быстрее. У тебя два дня пути туда будет. А не поедишь . . . Малое зло обернётся большим и тогда дух таёжный восстанет и всем тяжко будет. Люди, кто охотой живёт, себя и семьи свои кормит, а не убивает зверьё ради прихоти своей, как ты это делал граф, забудут про леса. Зло расти станет и никто не знает во что оно обернётся. Торопись барин – прошептала она, а потом встала и вышла из усадьбы.

Сумбуров не знал, что сказать ей, да он и не успел. Женщина исчезла так же быстро, как и появилась.

Не стал рассказывать жене граф всё то, что странная женщина сказала ему. Только объяснил, что ради сына ему надо с Матвеем съездить в одно место. К комнате графа двух мужиков приставил охранять и рано утром вместе с Матвеем седлал лошадей, собрал еды в дорогу и двинулся в сторону тех лесов, про которые говорила женщина.

На третий день граф Сумбуров вместе с Матвеем, наконец, добрались до Улугиевских лесов. То через что они шли эти два дня, можно было назвать лесом лишь отчасти. Улугиевские леса были не простыми лесами. Это была дремучий, таёжный край. Мрачные ели, закрывающие собой небо, были настолько непролазны, что, казалось, нет сквозь них никакого прохода. Однако граф Сумбуров двигался строго на север и к вечеру третьего дня вышел прямо к той горе,

про которую рассказывала таинственная незнакомка.

Посредине горы они и увидели небольшую пещеру, вход в которую закрывали поломанные сучья деревьев. Они поднялись наверх, к входу в пещеру. Граф рукой показал Матвею, чтобы он ждал его у входа, а сам зашёл внутрь. Коридор был узок, но дальше он расширялся, и, пройдя достаточно большое расстояние, он заметил впереди слегка струящийся свет.

И вот он вышел в просторное место, посредине которого горел большой костёр. Сумбуров осторожно двинулся вперёд и увидел у костра сгорбленную фигуру старца в мешковатом балахоне, который сидел, наклонив голову. Граф осторожно приблизился к нему с боку, и вдруг услышал слабый трескучий голос старца.

– Не бойся. Я давно ждал тебя. Садись рядом, чтобы твой лик узрел. Вижу, вижу – произнёс старец севшему напротив графу. Хотя непонятно было, смотрит он на него или нет.

– Не говори ничего – продолжал он – Я всё скажу. Мальчик, которого ты нашёл в ущелье много лет назад вот из-за чего ты здесь. Обидел ты духа таёжного, сильно осерчал он. Знаешь в чём грех твой? Много ты душ лесных существ загубил и почём зазря. Много ты их кровушки пролил, а духа лесного не умилиствовал. Люди охотятся ради нужды, а ты ради забавы. Вот и решил он через дитя своё наказать тебя. А души те к нему вопияли. Много ты их загубил. Он тебя и к ущелью тогда вывел и там ты лесное дитя и нашёл. А

дух лесной и решил так, чтобы ты такие же страдания испытал, как души тех существ, которых ты загубил ради забавы. Мальчик лесной и есть сын духа лесного. Но помни, если ты его сейчас не остановишь, то немалыми страданиями для людей это обернётся и тогда проклянут они имя твоё на веки веков – говорил старец своим трескучим как сухой валежник, голосом.

– Что делать мне? – спросил граф.

– Я помогу тебе, но взамен ты должен будешь дать мне кое-что- ответил ему старик.

– Что я должен дать тебе? – осторожно спросил Сумбуров.

– Тело своё. Тело своё мне отдашь, а взамен моё получишь. А не сделаешь, так как я сказал: ещё более страшные страдания получишь, но зато на том свете страдать не будешь.

– Говори, что делать надо?

– Сначала мне слово дай, что тело отдашь.

Граф долго молчал, а потом, подумав про себя так – авось всё равно ничему такому не быть, дам слово.

– Мне кажется, что сказки всё это – ответил старику – даю слово.

– Так тому и быть. Вот только этого мало. Протяни мне руку свою, – прошамкал старик.

Сумбуров нехотя протянул ему свою ладонь и в тот же миг старик резким движением полоснул, вдруг, откуда-то взявшимся острым ножом по его руке и капли крови графа брыз-

нули в костёр, который тут же вспыхнул.

– Вот и всё. Как только ты сделаешь всё как надо, заклятье вступит в силу, и станешь ты старцем. Но помни, что этим ты душу свою спасёшь от страданий за то, что сотворил ты – промолвил ведьмак – с сыном духа лесного не просто сладить и потому надо что-то особое взамен дать. А что для человека самое ценное? Три вещи ... Жизнь, молодость и любовь. А теперь слушай. И сделать всё тебе так надобно как я велю тебе.

– Говори.

– Возьми куклу эту – проговорил старик – Я её давно сделал. Возьми и эту шкатулку. Она из камня горного. И ещё возьми эту книгу. Когда в усадьбу вернёшься, у малого волосы отстриги и с одеждой его в огне спали. Пепел в шкатулку положи. После того как сделаешь это, прочти заклятье из этой книги. Найдёшь его. А потом всё это, и куклу и шкатулку, и книгу в сундук спрячь, да на сундук замок повесь крепкий. Вот и всё. Душу мальчика лесного ты в полон возьмёшь, и на веки вечные. Но если кто-то из твоих потомков сможет сундук вскрыть, то душа его снова из пепла восстанет. Сделай всё так и себя спасёшь и людей многих. Главное не жалея не о чём. В следующей жизни тебе сторицей за всё воздастся. – закончил старик и его трескучий смех заполнил своды пещеры.

Граф находился в каком-то полузабытьи, будто попав под чары старого ведьмака. Он уже и мало, что понимал и не да-

вал себе отчёт во всём, что имело место сейчас быть. Он просто хотел как можно быстрее покинуть эту пещеру. Но он ещё не знал того, что страшное заклятие вступило в силу. Он не помнил потом как всё то, что дал ему старец, положил в мешок. Не помнил, как покинул пещеру и как они с Матвеем вернулись домой. Пришёл он в себя только в усадьбе. У порога его встретила няня, горничные, а жены не было.

– Как Алексей? – хмуро спросил граф у няни.

– Лежит. Около него Афанасий и Митяй постоянно.

– А Елизавета Николаевна?

– Болеет голубушка.

Граф Сумбуров отпустил Матвея, а сам стоял посреди зала в раздумьи. Потом спустился, прошёл в гостиную, снял со стены ружьё. Но в это мгновение к нему бросилась его жена, выбежав из своей комнаты, и упав на колени стала кричать:

– Не дам! Не дам! Не смей!

Граф хмуро стоял, не зная, что сказать, а потом поднял её и сказал:

– Милая не трону, не трону. Я другое сделаю, другое, но обещай мне, что чтобы не случилось со мной, ты будешь жить. Я всё остановлю, но потом, потом ... Я уйду, меня не будет здесь, а ты живи, живи милая моя голубушка.

– Что ты такое говоришь? Что, что это значит?

Граф не стал больше ничего ей объяснять, а сам решил завтра провезти ритуал. Однако ночью случилось то, что никто не ожидал.

Елизавета Николаевна проснулась от страшных, нечеловеческих криков, и, вскочив, сразу бросилась в комнату сына. Туда же бежал и Сумбуров. У двери ничком лежала няня, держась за руку из которой фонтаном била кровь.

– Там, там... – бессвязно бормотала она.

Вся комната была залита кровью, а в ней лежали два мёртвых дворецких. У обоих была прокушена шея...

Алексея не было, а на кровати лежали окровавленные верёвки. Окно комнаты было открыто. Следом за ними прибежал и Матвей.

– Что делать будем барин? – спросил Матвей у Сумбурова, который был блее белого.

– Собери мужиков, кончать будем с этим.

Несмотря на ночь и причитания жены Сумбуров собрал человек семь. До этого он всё, что нужно для ритуала спустил в подвал, нашёл даже и нужный кованый сундук. Сев на лошадей Сумбуров с людьми бросился на поиски сына. Они долго бродили в ближайшем лесу, а потом вышли к самой крайней деревне. Ещё издали граф со своими людьми услышали крики людей и направили своих лошадей на звуки. Начало слегка светать и мороз немного крепчал.

Это был его сын. Граф сразу увидел его, как только приблизился к толпе. Мальчик сидел на лошади, которая уже почти, что лежала на коленях. Но наверно это был уже не его сын, вернее то, что осталось от прежнего чудного малыша. Крестьяне, собравшиеся вокруг мальчика сидевшего на уми-

рающей лошади, крестились, кто-то кричал Что-то невразумительное, кто-то плакал, а женщины все как один всхлипывали. У многих в руках были вилы, топоры и ножи.

Маленький граф сильно изменился. Он был весь белый как полотно, в штанах и рваной рубашке, залитой пятнами тёмной крови. Лицо его потускнело, два острых клыка торчали изо рта, уши покрылись шерстью, а глаза светились каким-то странным, жутким блеском. А на руках торчали длинные, острые когти. Мальчик долго смотрел на толпу, а потом, взыв как раненый зверь, снова и снова впивался в шею несчастного животного. Но люди всёравно боялись подойти к нему.

А граф въехал в толпу, расталкивая крестьян и закричал: – Не трогайте его, не трогайте!!! Болен он. Болен ...

Граф спрыгнул с лошади и тихо начал приближаться к сыну, который казалось ничего, и никого не видел вокруг себя.

– Сыночек, сыночек, это я отец твой. Я папа... – плакал граф, воздев вперёд перед собой руки.

Но мальчик, урча и рыча, грыз шею лошади. Люди, видя всё это, зарыдали ещё больше.

– Сыночек это я... – произнёс граф и тут мальчик посмотрел на него своим безжизненным взглядом, а после вскрикнул:

– ААААА! – и он упал с лошади.

Отец подошёл к нему, осторожно взял на руки, и, не скрывая своих рыданий, понёс сына к лошади. Мальчик лишил-

ся чувств и безжизненно лежал на руках Сумбурова. Толпа крестьян расступилась, давая графу пройти. Он положил сына на лошадь и двинулся в сторону усадьбы, а вслед за ним его верный Матвей с мужиками.

В усадьбе граф с людьми связал сына и на этот раз перенёс его в подвал, положив на деревянный стол. Потом граф отпустил всех мужиков по домам, оставив одного Матвея.

– Слушай меня Матвей. Сейчас поднимешься в усадьбу. Побудь с Елизаветой Николаевной и горничными. Жди. Посмотри что там с няней, она вроде как ранена. Незнаю сколько пройдёт времени, но как только из подвала вместо меня выйдет древний старик, убьёшь его. Вот тебе для этого и ружьё. А мне спешить надо, слух наверно до города уже дошёл, а до нас два дня пути. Через день они здесь будут. Мне спешить надо. А теперь ступай и жди в усадьбе – говорил граф, смотря Матвею прямо в глаза.

– Барин, да что ты такое говоришь? Какой старик вместо тебя выйдет? Что я людям скажу? – отвечал ему Матвей, пятясь назад.

– Найдёшь что сказать, найдёшь... Будь рядом с Елизаветой Николаевной. Охраняй её, за неё головой отвечаешь и помни. ... Помни... Если выйдет старик, убей его – говорил всё это граф, смотря уже сквозь Матвея так, словно он ничего не видел, и пелена закрывала ему глаза.

– Не губи барин, не губи отец родной. Я не смогу, не смогу... – заплакал Матвей, уже понимая, что в деле, явно заме-

шано колдовство.

– Прости меня Матвей. Прости... – сказал ему граф.

Сумбуров проводил Матвея, а сам остался в подвале.

Вокруг стола с телом горели светильники, а граф сидел в кресле рядом, смотрел на мальчика и плакал. Он не заметил, как заснул...

И увидел он последний сон в своей жизни.

Тёмный лес, в котором он внезапно очутился. Непролазная чаща, сквозь которую не просматривался даже небесный свод. И видит граф, как идёт он по лесу, словно заблудший путник, потерявший дорогу домой. Долго идёт, продирается сквозь деревья, которые в клочья разрывают его одежду и до крови царапают его тело. Он идёт, совсем не понимая, куда и зачем, влекомый одним желанием покинуть этот лес, которому нет конца и края.

Но вот видит граф вдали свет и идёт прямо на него. И вот выходит он из леса к красивой долине, полной цветов и прекрасных дивных животных. Это всякие дикие звери и они ходят по долине. Их очень много, и обычных зверей и свирепых хищников. Но никто из них не покушается на жизнь другого. Вот и у водопоя они все вместе. У прекрасного озера, с чистой голубой водой. Тут и медведи, и волки, и олени, и кабаны и даже тигры. Кажется, что весь животный мир пребывает в этой долине всеобщего благоденствия.

Граф идёт среди этих зверей и дивится всему, и они не трогают его. И вдруг видит, что расступаются все звери и к

озеру выходит огромное мохнатое существо. Не зверь и не человек ...

Но кто же он? Ростом с высокое дерево, весь покрытый густой шерстью, а лицо как у человека. Идёт он гордой поступью, подходит к озеру, и, черпая своими конечностями, воду пьёт её, а потом бросает свой взор на графа и подходит к нему.

Страх обуял графа. А существо смотрит на него долго, и не раскрывая своего рта, как говорит ему слова. Граф слышит их у себя, в своей голове:

—Я хозяин леса. Я его слуга и я же его господин. Я охраняю таёжный край со всеми его жителями. А тебя я знаю. Ты тот, кто много душ погубил моих жителей лесных. Погубил так просто, ради забавы, а не ради пропитания. И за это я сына тебе моего послал. Теперь пока он до конца, так же как и ты, когда-то не позабавится, твой мир не покинет. А он только начал и что дальше будет, то даже мне неизвестно. Я думал вразумить тебя через страдания, но теперь и я бессилен. Сын мой силу от лесных духов большую получил и сила та только в рост пошла. Сможешь остановить его, останови, а не то поздно будет. Чем обернётся беда эта никто не знает. Но это лишь начало. Останови его, иначе не успеешь. И мы квиты с тобой.

Сказал это хозяин леса и исчез. А граф вдруг видит сам себя маленьким мальчиком, одиноким и брошенным в глухом лесу. Стоит он и плачет. И вдруг из-под земли кровь по-

текла. И вот уже граф в облике ребёнка, по колено в крови, а потом уже и по горло. И кричит он, кричит что есть силы:

–ААААААА.

Проснулся от своего крика безумного. Смотрит, а тела сына, которое уже и на человека то не похоже было, нет на столе. Верёвки разорваны, а тела нет!

Закричал что есть силы граф:

– Елизавета!!! – и бросился из подвала наверх. Однако тут же вернулся, схватив мешок с куклой, книгой и шкатулкой.

И вот он уже на первом этаже усадьбы. Весь зал залит кровью человеческой. И видит он сначала одну горничную, потом другую и обе без головы. А вот и няня с разорванным животом, из которого вывалились её внутренности.

Бежит граф, что есть мочи наверх по лестнице и вот видит Матвея несчастного. Тело его всё покромсано, мясо клочьями свисает, а кожа на лице в кровавое месиво превратилось, а рядом с ним ружьё, скрученное, будто верёвка какая-то. Склонился перед его телом его граф, не в силах сдержать рыдания.

А потом с трудом поднялся с колен и пошёл, шатаясь дальше. Видит он дверь, открытую в комнату жены своей. Отворяет он её и снова падает на колени. Лежит на пуховых перинах в кровати своей, в целом озере крови, любимая жена его с разорванной грудью, а над ней стоит то, что было когда-то его славным, маленьким чудным мальчиком. От него уже ничего не осталось прежнего.

Это не был человек, но и не зверь пока. Лапы огромные, волчьи, а может медвежьи, с острыми когтями, вогнутая спина с горбом как у дикого зверя, и лишь голова была наполовину людской, а наполовину звериной.

Он немного прибавил в росте, и в нём виделась жуткая, демоническая тварь. Вытянутая пасть выступала из его пока человеческого лица. Но почему из его глаз текли слёзы.

Как слепой выхватил граф пистолет из-за пазухи и выстрелил в то, что было когда-то его сыном. Полу зверь схватился лапой за шею, взвыл, а потом как маленький щенок закрутился на одном месте от боли.

Превзимогая боль в душе и во всём теле, граф трясущимися руками достал из мешка книгу, и, открыв страницу, где-то посередине её, будто кто-то указал ему именно там и открыть, начал читать слова на старославянском языке.

Прошло немного совсем времени и тварь, которая была когда-то его сыном, схватилась за грудь и упала как подкошенная. Граф остановился, переводя дыхание, а потом подполз к телу своей жены и руками пытался остановить кровь бьющую фонтаном из её рваной груди.

– Поднимись милая, встань, не спи... – плакал он и уже сам был весь в крови её.

Но она не дышала, и лицо её было умиротворённо, словно она нашла успокоение и просто заснула.

Собрав свои последние силы, граф еле-еле сумел оторвать себя от тела любимой. Он вернулся к лежащему по-

лузверю получеловеку, и, взвалив на плечи, стал спускаться снова в подвал, где он опустил его на стол.

Граф сделал всё так, как велел ему старый ведьмак. Он делал всё, в каком-то полузабытьи. Ему казалось, что голос ведьмака руководит каждым его движением. Совершив таинственный ритуал граф Сумбуров, опустил куклу, шкатулку и книгу в кованый сундук, и запер его на замок.

Так он долго сидел, смотря на тело зверя, которое когда-то было его единственным сыном. Он долго смотрел на него, пока не увидел, как оно стало медленно растворяться в воздухе.

Он не слышал крики крестьян, которые прибежали в усадьбу. Он не видел того как они подожгли её. И даже когда подвал заволокло густым дымом, граф как будто не ощущал этого. Потом он потерял сознание.

Прошёл день. Усадьбы в своём величии и былой красоте уже не было. Это были почти руины. Хотя внешние стены сохранились, ведь здание было каменное, но внутри всё сгорело.

На железной двери подвала была гора сгоревшего мусора. И вот раздался слабый скрежет и из-под него наверх стал выбираться человек. Сухой, сгорбленный, глубокий старец, в рваной одежде богатого вельможи.

Лицо его было чёрно от гари, а волосы с длинной седой бородой свисали серо грязными клоками.

Выбравшись кое-как, старец долго бродил по руинам об-

горевшего здания, пока не нашёл чудом уцелевший тулуп. Потом он покинул усадьбу навсегда.

Никто не знал, куда ушёл этот старик.

Одни говорили, что видели странного старика, одиноко бродящего в северных лесах и что-то бессвязно лопочащего, другие говорили, что в одной из далёких духовных обителей, в одном из монастырей, появился старик, в котором с трудом можно было узнать славного графа.

Но это были лишь легенды, а правду не знал никто из смертных на всём белом свете.

Глава четвертая

Восставший

Холодная вода обожгла лицо Анны и вернула её в реальность. Анна открыла глаза и увидела над собой лица своих взволнованных друзей.

– Ну что, подруга, очухалась? – спросила её Вика.

– Да, а где я? – приподнялась на одном локте Анна.

– Всё в том же подвале, куда ушла ты среди ночи и где мы и нашли тебя – ответил ей Егор Васильевич.

Анна с трудом встала, огляделась вокруг себя и увидела перед собой открытый сундук. И она тот час вспомнила всё, что видела в своём беспамятстве. Еле-еле переведя дыхание, она произнесла,

– Если Вы верите мне, то надо бросить всё что мы нашли здесь, закопать вход в этот подвал и покинуть это место.

– Ну, уж Вы как хотите, а я просто так не уйду – ответил ей Егор Васильевич, – После таких интересных находок, Вы уж меня извините и чую я, что это только начало.

– Я тоже останусь – произнёс Олег.

– Наверно пока и я ... – неуверенным голосом сказал Роман.

Промолчали только двое: Вика и Вадим.

Анна ещё раз посмотрела на них и сказала:

– Сколько Вам ещё дней на поиски надо?

– Я думаю, что хотя бы на дней пять, да и продукты у нас как раз ровно на столько и будут – ответил ей Егор Васильевич.

Анна большое ничего не сказала: она только вернулась в палатку, а было раннее утро, и тут же просто заснула. Проснулась она от диких воплей Вики. Схватив свой маленький походный топорик, она бросилась на крики, которые раздавались за усадьбой. Подбежав к зданию, она увидела, что под большой плитой лежит Олег и стонет. Она тут же кинулась к нему. Там уже были и остальные. Они пытались оттащить плиту.

– Когда выходили, она на него упала. Мамочки, что теперь будет, что будет? – верещала Вика.

Олег лежал с белым, как полотно лицом и постанывал.

– Ноги чувствуешь? – спрашивал у него Егор Васильевич.

– Не знаю – прошептал Олег своим пересохшим ртом.

– Держись сейчас, будем двигать.

Навалившись все вместе, им удалось сдвинуть старинную каменную глыбу и им предстало страшное зрелище. Ноги Олега превратились в кровавое месиво.

– Аптечку! Несите аптечку! – кричал Егор Васильевич.

Этот предусмотрительный человек всегда брал с собой всё, что нужно для экстремальных обстоятельств. Олегу сделали укол, и у него отключилось сознание.

– Ему в больницу нужно – прошептала Вика, вытирая слёзы с лица.

– Нехорошо это. Парень горячие точки прошёл, а тут на ровном месте – говорил Егор Васильевич.

Анна сидела на камне, закрыв лицо руками. Она будто знала, какую-то тайну, но боялась её рассказать своим друзьям.

– Ребята, сделайте носилки, завтра надо убираться отсюда – вдруг произнесла она, и посмотрела на Егора Васильевича – Да именно убираться. Вы все видите, что с Олегом. Его надо спасать. Что сможем из мелких находок, заберём с собой, а что не сможем то оставим. В следующем месяце, кто захочет, сможет вернуться.

Все молчали, никто не проронил ни слова, а потом Олега перенесли в палатку. Наступила ночь. Никто даже и не сел ужинать, пребывая в мрачном расположении духа. А потом они разбрелись по своим палаткам.

Вика рано потеряла своего отца, но помнила его лицо из далёкого детства. Он был у нее геологом в те времена, когда ещё ценилась эта профессия. Помимо геолога он был ещё и классным альпинистом. Этаким романтик, бард, прекрасно играющий и поющий на гитаре.

Её отец погиб в одну из горных экспедиций. Ей было тогда всего восемь лет. Но он успел привить ей любовь к лазанию по горам. Поэтому она и пошла в секцию альпинизма, чуть повзрослев, где и подружилась с Анной. Она помнила его весёлый прищуренный, взгляд, небольшую рыжую бороду, ямочку на подбородке, что делало его лицо во время улыбки очень добродушным. Вика любила отца, и он запомнился ей именно таким.

Проснулась она от того, что ей показалось как кто-то склонился над ней. С трудом продирая сонные веки, Вика чуть было не закричала. Это был её отец, который приложил свою ладонь к её лицу и прошептал улыбаясь,

– Это я милая.

Вика не верила своим глазам. Но это был он. Всё тот же прищуренный взгляд его синих глаз, такая же улыбка и всё та же тёплая шапочка, которая была на нём во время последнего похода.

– Не может быть, папа? – с ужасом и удивлением прошептала она.

Её отец поднёс палец к губам и тихо издал звук,

– Тссссс – а потом показал ей на выход из палатки – идём

со мной, я покажу тебе несметные богатства усадьбы Сумбу-
рова – тихим шёпотом говорил он ей.

– Но ты же умер? – не веря своим глазам, ответила ему
Вика.

– Для всех, но только не для тебя. Идём со мной, и я толь-
ко тебе одной дам то зачем Вы пришли сюда.

Вика встала и начала двигаться к выходу, ловя себя на
мысли, что не понимает сейчас только одного, куда исчез её
былой страх. Или она всё ещё спит? Подумала она и уже на
выходе бросила взгляд на спящую Анну.

А потом пошла за удаляющейся фигурой своего отца.
Отец оборачивался и манил её рукой, и она шла за ним. Вот
она зашла внутрь здания вслед за ним, спустилась вниз, но
не в тот подвал, а в другой зал. Отец стоял перед ней, а потом
провёл рукой, и вдруг всё стало меняться на её глазах. Это
уже были не те руины, в которые она со своими друзьями
спускалась днём.

Исчезали старые закоптелые от сажи и синие от сырости
стены и на их месте появлялись прекрасные мраморные ко-
лонны, невообразимо красивый зал, блеск которого сверкал
вокруг, и она даже зажмурилась от этого.

Но потом открыла глаза от чьих голосов раздававшихся
вокруг неё. Это были люди, дамы в изумительных нарядах,
мужчины элегантно одетые. Это был бал и в сверкающих от
драгоценных камней нарядах они, взявшись за руки, присе-
дали и вставали в старинном танце. Музыка, которая лилась

отовсюду, поглотила её с головой.

Не помня себя, Вика стала кружиться в танце, но вдруг вздрогнула от чьего то прикосновения. Это был её отец, и он показывал на огромный сундук, полный прекраснейших нарядов, драгоценных камней и золота, переливающихся каким-то чарующим блеском.

– Бери – это всё твоё – прошептал он, показывая ей на все эти богатства.

– Правда?! – в восторге спросила она отца, бросив свой взгляд на сундук – Правда?! – ещё раз повторила она и подняла голову на отца, но его уже не было.

Не было больше и людей, пропал красивый зал. Всё начало складываться как игрушечный карточный домик. На её глазах стены начали дряхлеть и вот снова те же руины, а потом и они исчезли. Пропало всё, и вдруг Вика почувствовала, что стоит по колено в вязкой жиже. Это было болото. Вика стояла одна посреди болота, которое начало засасывать её. Она стала погружаться в эту топь. Она всем телом ощущала, что её поглощает мёртвая, вязкая субстанция. Она пыталась схватиться хоть за что-нибудь, но вокруг ничего не было. Она хваталась руками за воздух, но топь медленно, но верно поглощала её.

– Спасите, спасите – хрипела Вика уже не своим голосом, но её никто не слышал.

Вокруг было сплошное болото. Ещё немного она боролась за жизнь, а потом наверно смирилась и закрыла глаза. Боло-

то засосало её с головой. Ещё раз, вынырнув Вика, пыталась что-то произнести, но это были её последние усилия. Её голова исчезла в болотной жиже. А над топью этого мрачного места неожиданно появилась фигура маленького мальчика, который как будто плакал, от того, что сотворил такое.

И он шептал, шептал испуганно такие слова:

– Зачем Вы меня разбудили? Зачем Вы меня разбудили?

Анна проснулась неожиданно, словно кто-то разбудил её.

Вики рядом не было.

– Вика! Вика! – позвала она, но ей никто не ответил.

Тогда она вышла из палатки. Была всё ещё ночь и на небе сверкали своим таинственным блеском звёзды.

– Вика! Вика! – продолжала звать она, но стояла тишина.

Из соседней палатки показалась голова Егор Васильевича.

– Ты что?

– Вика пропала – сказала Анна и посмотрела неожиданно сама для себя в сторону болота, как будто была уверена, что её подруга может быть там.

– Может, вышла по нужде? – спросил он.

– Не знаю, я зову, она не отвечает.

В это время из палаток вылезли Роман и Вадим.

– Ребята пошли искать Вику! – закричал им Егор Васильевич – мне уже всё это начинает не нравиться.

Вику искали до утра, но нигде не было её следов. Все снова собрались у потухшего костра, который пытался разжечь Егор Васильевич.

– Я никуда без Вики не уйду – первой нарушила молчание Анна, после того как все собрались.

– А что тогда с Олегом делать? Ему надо в больницу. Мы ведь не знаем насколько серьёзно? – сказал Роман.

– Я думаю, что серьёзно, иначе он бы мог хоть как-то ходить – ответил Егор Васильевич.

– А как он сейчас? – спросила Анна.

– Я думаю плохо. Лежит и стонет. Спирта попросил утром. Я дал ему немного – произнёс Роман.

– Хорошо, а что делать будем? – теперь спросил всех Егор Васильевич.

Все молчали.

– Ладно, у меня тогда предложение. Один из нас должен выбраться отсюда на большую землю, за помощью для Олега. А остальные в это время продолжают поиски Вики. А по поводу находок, что успели найти то и забирайте. На большой земле разберёмся по ним. И так кто пойдёт?

Все продолжали молчать, и по их лицам было видно, что находки их интересуют меньше всего.

– Ладно, тогда я пойду и прямо сейчас. Пойду налегке, чтобы быстрее добраться, а дорогу я помню. – Ответил Егор Васильевич.

Он встал и пошёл в палатку собираться, а через некоторое время вышел с рюкзаком на плече.

– Будьте осторожны. Ищите Вику, хотя я даже не могу сказать, где её искать то можно. Мы вроде весь островок обла-

зили. А я пойду, быстрее доберусь, быстрее и помощь придёт – сказал он им, и направился в сторону болота.

У Анны было чувство, что она его уже никогда не увидит.

А Егор Васильевич дойдя до брода, осторожно ступая и щупая дно палкой, двинулся вперёд. Утро выдалось пасмурным, как и все прошлые дни и поэтому ему казалось, что это уже вечер.

Так он долго шёл по болоту, пока не остановился, и, достав из куртки пачку сигарет, вытащил одну и закурил. Усадьбы давно не было видно, а он всё ещё шёл.

Странно – подумал он – вроде, я давно уже должен был дойти и иду правильно. Вот он и брод.

Выкурив сигарету, Егор Васильевич двинулся дальше. Он и не заметил, как совсем наступила ночь, причём стало так темно, что он вынужден был включить свой фонарь.

По всему я должен был давно выйти из болота. А может быть, я просто заблудился? Да нет, и шёл правильно. Все указатели наши были на месте. Ничего не пойму. Думал он. И вдруг он заметил впереди свет, сначала еле-еле слабый, а потом он стал расти. И перед ним возник небольшой деревянный домик, скорее избушка, из которой и лился этот свет.

–Ничего себе – подумал он, и подошёл к ней.

–Будь что будет – решил он для себя и осторожно поступался.

Однако всё было тихо, и Егор Васильевич дотронулся до двери. Низенькая дверь открылась, и он вошёл внутрь. Как

только Егор Васильевич переступил порог дома, как тут же провалился в бездонную пропасть. Он полетел на самое дно этой бездны, но странное дело совсем не почувствовал как упал на землю. Егор Васильевич открыл свои глаза от яркого света, который бил в его глаза.

Это был его тот самый университет, который он когда-то бросил. Всё тот же приёмный зал, знакомые лица студентов, которые когда-то учились вместе с ним. И профессора ...

– Что со мной? – подумал он.

– Полуянов! – вздрогнул Егор Васильевич, услышав свою фамилию.

– Да – произнёс он неуверенным голосом.

Это был профессор Науменко Павел Андреевич, из-за которого у него тогда, много лет назад и случился конфликт. Профессор показал ему на билеты.

Всё ещё неуверенным шагом и совсем не понимая, зачем он делает это, Егор Васильевич направился к билетам. Подойдя к ним, он посмотрел на профессора, а тот рукой снова показал ему на билеты. Всё ещё не осознавая, зачем он делает это, Егор Васильевич взял один из билетов и открыл его. Билет был совершенно чист, просто чистый, белый листок бумаги.

Егор Васильевич тупо смотрел на этот лист, потом перевёл взгляд на профессора. Но странное дело на месте профессора никого не было. Зал был пуст, исчезли и все студенты. Егор Васильевич огляделся, и действительно никого не

было. Пустой зал и не одной живой души. А на учебных столах появился толстый слой пыли. Приглядевшись, Егор Васильевич понял, что пыль покрывает здесь всё.

Стало совсем тихо, а в своей руке он попрежнему держал листок бумаги. Внезапно он услышал тихий писк, едва слышимый. Что-то заставило его вновь обратить свой взгляд на листок бумаги, и он в ужасе отбросил его от себя. Это был человеческий глаз, живой, в котором двигалось во все стороны глазное яблоко, и веко его как будто слегка вздрагивало. Глаз был во весь листок и смотрел на Егора Васильевича, так словно хотел его спросить о чём-то.

– Это наваждение ... Я сплю. Я сплю. – Бормотал он несвязно.

И вдруг на его глазах из этого малюсенького листка, показалась, чья та явно нечеловеческая маленькая рука. Хотя больше её можно было бы назвать небольшой лапой с острыми, немного изогнутыми когтями. Егор Васильевичу показалось, что тварь, которая имела эту лапу, хочет схватиться за что-нибудь, хотя бы за всё тот же паркетный пол. И она действительно зацепилась за него, а из листка следом показалась и вторая лапа, а потом жуткая голова получеловека, пол узверя.

Верхняя часть этого существа была скорее маленького ребёнка, нижняя челюсть была выдвинута вперёд как у дикого волка, а вокруг всю его голову обрамляла густая шерсть, спадающая на его морду рыжими клоками.

Существо устало на Егора Васильевича, а потом издало до того жуткий вой, что он схватившись за уши, закричал что есть мочи,

– Не надо!

Но из листка, вопреки всем законам физики, уже стало вылезать и остальная часть твари, туловище и задние лапы которые оно начало волочить по полу. Правда оно не было большим, скорее ростом чуть больше человеческого подростка и было какое-то видимо совсем ещё слабое.

Егор Васильевич безжизненным взглядом смотрел на него, а потом, трясущемися руками достал сигарету и зажигалку, пытаясь закурить, но у него ничего не вышло, сигарета выпала из его рук и он закрыл глаза. Существо подползло к нему, и проговорило каким-то утробным голосом:

– Заа...чем мее...ня раз...бууу...дили? Заа...чем?

Оно издало, совсем нечеловеческий вой, схватило своими когтями голову Егор Васильевича и с силой, которая не могла быть даже наверно у зверя, оторвало ему её.

А потом припало своей пастью к страшной зияющей ране, из которой била фонтаном кровь и начало лакать её. Чем больше пило оно крови, тем больше и больше наливалось силой её тело, расширялись мускулы и ещё больше росли когти. Это был уже взрослый монстр.

Всё исчезло. Здание университета, избушка и сама тварь. А на лужайке посреди леса осталось лежать тело Егор Васильевича и его оторванная голова. Лицо этого человека было

искажено, какой-то странной, бессмысленной улыбкой так, как будто он был рад тому, что смерть, наконец, пришла за его душой и освободила его от земной жизни.

Анна с Романом и Вадимом облазила весь остров, они ходили далеко и за пределы его, но следов Вики нигде не было. Незаметно стемнело и совсем выбившиеся из сил они снова развели костёр.

– Пойду, приготовлю чаю – сказал Роман.

Есть никто не хотел, еда не лезла им в горло. Они сидели у костра и просто грелись. В палатке были слышны стоны Олега, который видно от боли порой впадал в беспамятство. Ребята долго грелись у костра, пока неожиданно где-то в стороне болота вдруг не раздался до того жуткий, нечеловеческий, душераздирающий вой, что по их ногам прошёл электрический ток. Анна сразу же вскочила с места.

– Что это было? – прошептал побледневший Роман.

– Не знаю – ответил Вадим – Но я на всякий случай схожу в палатку и возьму свой нож.

– Ребята я думаю, что это как-то может быть связано с исчезновением Вики. – Произнесла Анна – Это я про вой этот ...

– Анна я думаю нам надо прекратить поиски Вики, уйти отсюда и сообщить МЧС, пускай они ищут её – сказал Роман – а Олега мы наверно с Вадимом потащим на носилках.

– Да ты наверно прав, завтра тогда заберём то, что сможем из наших находок и отправимся домой – задумавшись, отве-

тила Анна – ладно я спать, хотя не знаю, заснули я сейчас?

И она ушла в палатку. Вадим посмотрел ей в след и про-
изнёс,

– Слушай, у меня пузырь водки есть, как будешь? – обра-
тился он к Роману.

– Вообще-то ты знаешь, что я не пью, но да ладно, неси. –
Ответил Роман.

– Я тоже стараюсь не пить, ты же знаешь что у меня спорт-
зал и всё такое, но сейчас, особенно после того, что пропала
Вика и то, что мы слышали, я бы махнул. Короче я в палатку
за водкой, – сказал Вадим и зашёл в палатку.

Вернувшись, он откупорил бутылку, разлил по стаканам
и сказал:

– Ладно, давай за всё ...

– Давай.

Они выпили, немного помолчали и вдруг в стороне усадь-
бы услышали странный звук, больше похожий на плач ма-
ленького ребёнка.

– Что это? – спросил Вадим.

– Не знаю.

– Я пойду, посмотрю, – Вадим встал, и, поправив сзади
свой нож в ножнах, направился к усадьбе.

Всё произошло настолько быстро, что Роман не успел ни-
чего понять. Как только Вадим скрылся за углом усадьбы,
его накрыла Что-то тёмное, как чёрное полотно.

Когда темнота отпала, Роман увидел себя в странной ком-

нате, точнее спальне. Да это же квартира Анны, подумал, было, он. Чёрт побери. Как я оказался здесь? Действительно это была спальня его подруги и девушки, о которой он тайно вздыхал, в надежде, что может быть, когда-нибудь, она увидит в ней не только партнёра и напарника, а возможно мужчину, с которым она проведёт всю свою жизнь. Но как я оказался здесь? подумал он. Наверно я сплю. Роман как-то пару раз заходил к ней в гости, пытался ухаживать, но она всегда держала его на расстоянии.

А сейчас непонятно каким образом он оказался у нее в квартире, причём сидел на её широкой кровати. Так он сидел довольно долго, смотря на часы, которые висели на стене, как вдруг услышал лёгкие шлепки чьих-то явно босых ног.

В спальню вошла Анна. В лёгком почти прозрачном розовом пеньюаре, в котором виднелось её оголённое красивое тело. А ещё она была с распущенными, немного влажными волосами и была точно из душа. Она подошла к нему, присела на кровать, погладила его по щеке, запустила свою руку в его волосы, а потом поцеловала его в губы.

Это был такой сумасшедший, долгий пьянящий поцелуй, что у Романа закружилась голова. Он закрыл глаза от наслаждения, а потом, почувствовал, что нежные трепетные губы девушки почему-то, становятся какими-то грубыми, шершавыми, а его язык нащупал во рту у нее острые как лезвия зубы.

А рука её, погружённая в его волосы, вдруг сжала их, схва-

тив в охапку и протянув на себя со всей силы, издало такой чудовищный звук, что у него помутнело в голове. Он успел лишь чуть-чуть открыть глаза, как тут же лишился чувств. Это была не Анна ...

Это было существо, про которое можно было с уверенностью сказать, что оно вышло из ада. Для Романа прошло в тот момент несколько часов, но на самом деле это были минуты.

Вадим прошёл вперёд, обошёл усадьбу со всех сторон, но, не заметив, ничего подозрительного вернулся назад. Однако Романа на месте не было.

– Рома, Рома! – позвал он, потом зашёл в одну палатку и в другую, но того нигде не было.

– Ну, ты где?! – закричал он в пустоту, но вокруг была тишина.

Несколько минут он стоял, задумавшись пока снова не услышал у усадьбы тихий детский плач. Он оглянулся на звук, и заметил какое-то движение в углу от усадьбы, напротив двух полувысохших деревьев.

– Не понял? – сказал он уже сам себе, и чуть было не упал от того что увидел прямо перед собой.

Огромное существо, которое он не разглядел в темноте, волокло двумя лапами тело Романа, причём оно передвигалось на двух полусогнутых лапах, как человек.

– Что за хрень! – закричал он, и, выхватив нож, осторожно двинулся вперёд.

Существо заметило его и остановилось. Вадим, подойдя

к нему, крикнул:

– Давай, ублюдок! Давай!

Тварь было трудно разглядеть в темноте, и тогда Вадим уже трясущейся рукой включил фонарь и направил на неё.

Оно походило на зверя, в котором с трудом можно было узнать волка, namного медведя и даже дикого кабана. Этакая смесь диких хищников, невообразимо жуткая по своей сути, демоническая и ужасная. В нём смешалось всё то, что невозможно было бы представить обычному человеку.

Густая шерсть покрывала его тело, и он стоял на двух лапах, которые венчали длинные острые когти. Выступающая челюсть больше походила на волчью, с огромными клыками, торчащими из пасти как у дикого кабана. Но верхняя лобная часть его головы была настолько широкой, что больше всего в ней было что-то от медведя.

Существо выпрямило свою изогнутую спину, задрало вверх свою голову и издало до того жуткий звук, что Вадим зажмурился. Потом оно схватило голову лежащего на земле несчастного Романа и с силой оторвало её от тела.

Кровь фонтаном забилась из ужасной раны Романа, а тварь держала лапами его голову, видимо желая, чтобы её видел Вадим. Потом припало к страшной ране и начало пить его кровь. Это продолжалось несколько минут, пока оно не уволокло тело дальше в темноту.

У Вадима бешено билось сердце, и ноги его стали каменные.

– Где Роман? Что случилось? – услышал позади себя он голос Анны.

– Ничего, пойдём, пойдём. – Ответил он ей.

– Где Роман? Скажи где он? Что с ним?

– Нет, ничего, ничего.

– Не ври мне Вадим. Скажи правду. – Схватила она его за плечи.

– Он мёртв, его убили.... Я не знаю, кто это был. ... Не человек, точно. Но и зверем его не назовёшь, я незнаю, что это было? Тварь, какая-та тварь.

– Как мёртв? Что ты говоришь такое? – заплакала она.

– Пойдём отсюда, пойдём к костру. – Сказал он ей и повёл её к костру.

Когда они подошли к костру, бросился снова в палатку, схватив топорик, лопаты и ещё чтото.

– Держи Аня. Нам понадобится это. Надо продержаться до утра.

Анна сидела у костра, закрыв руками своё лицо.

– Я наберу сучьев. – Сказал ей Вадим – Нам нужен костёр, много огня.

Он отошёл за сучьями, которые лежали уже готовые у палатки, они их наломали ещё днём, и закидал их в костёр. Потом он сел у костра, не выпуская из своей руки нож.

– Анна слушай внимательно, чтобы не случилось, ты должна выбраться отсюда.

– А ребята? Вика, Рома ...?

– Мы им уже ничем не поможем, ничем ...

Они долго сидели у костра, пока не начало, наконец, светать.

– Слушай меня Анна, я останусь здесь с Олегом, пока не подоспеет помощь, а ты доберись домой. Я думаю, что Васильич вызовет помощь по любому, но Олега бросить здесь одного я не смогу. – Произнёс Роман.

– Я не уйду без Вас. – Ответила Анна.

– Слушай меня Анна, ты должна уйти, должна.

– Нет, нет.

– Анна всё будет хорошо, я обещаю тебе. Помощь скоро будет, будет по любому. А ты вернись, тебе нельзя здесь быть, нельзя. Иди, собирай рюкзак.

Анна, кивнув головой и не в силах сдержать слёзы, встала, и пошла шатаясь в сторону платки, в которой лежал Олег.

– Мне надо попрощаться с Олегом, – сказала она.

Она зашла в палатку к Олегу. Тот с открытыми глазами лежал на спальном мешке с перевязанными ногами. Когда Анна зашла внутрь палатки, Олег привстал на локте, и взволнованно проговорил хриплым голосом,

– Анна что происходит? Что были за вопли ночью? Кто это был? Где остальные ребята? Где Вика, Роман?

– Вика пропала, мы её не нашли, Егор Васильевич вчера ещё ушёл за помощью, а Роман... – замолчала она, вспомнив лицо её бывшего друга и поклонника, – Нет его больше.

– Как нет? Что случилось? Что?

– Тварь, какая та тварь утащила его, но я не видела. Видел Вадим. Он видел.

– Какая тварь, что ты говоришь такое?! Что за тварь?! – закричал хриплым голосом Олег.

– Спроси у Вадима. Он видел. Ладно, ты держись Олег, а я должна идти за помощью. С тобой Вадим будет. Я должна дойти и узнать смог ли Василич вызвать помощь. – Она сказала это и, погладив за руку Олега, обняла его за голову и быстро вышла из палатки.

Олег долго смотрел ей вслед, а потом дополз до своих вещей и схватил топорик, зажав его в руке.

– Ладно, посмотрим, кто кого ... – прошептал он и вдруг увидел себя лежащим на земле, искромсанной взрывами от снарядов. Не было больше палатки, не было его вещей, только чёрная от гари земля и трупы его товарищей, которых он потерял во время первой своей командировки в горячую точку.

Ноги у него были целы как не странно, но вот в ушах гудело. Меня видно контузило. Подумал он. Но как я оказался здесь? Где усадьба, где Анна? Олег с трудом встал, рядом с ним лежала его сапёрная лопата.

Он огляделся... Рядом горел какой-то двухэтажный дом, а вот подбитый БТР. Я, что снова в аду? подумал он и увидел вдали фигуру девушки в белом платке с красным крестом.

Санитарка? Откуда она здесь? Фигура девушки приблизилась и он, наконец, разглядел в ней свою бывшую любовь

Танечку, по которой когда-то сходил с ума.

Таня? Это ты? хотел произнести он, но его рот не открылся, словно губы приклеились к нёбу.

Девушка как-то странно посмотрела на него, а потом произнесла звериным утробным голосом такие слова:

– Зачем Вы разбудили меня?

И тут же девушка исчезла, а вместо неё прямо над ним стояла тварь, отродье, нечесть.

И Олег снова увидел себя в палатке, осознав, что всё, что он видел, было иллюзией. Существо разорвало палатку своими когтями и теперь возвышалось над телом Олега. Он закричал со всей силы:

– Давай тварь! Давай!

Анна, уже выходя с вещмешком из своей палатки, услышала крик Олега и бросилась на крик. С другой стороны бежал и Вадим. Они одновременно подбежали к палатке и сразу же увидели монстра, который поднялся из-за палатки во весь рост. Олег тоже выполз из неё, держа в руке топорик.

– Анна беги! Беги! – хрипел он.

Вадим, держа нож в руке тоже завопил:

– Давай! Давай!

Монстр, вытянув вперёд свои лапы, издал мерзкий вой и двинулся к лежащему на земле Олегу. Однако Олег сумел изловчиться и со всей силы воткнул топор в одну из лап монстра. Тварь издало ещё один жуткий крик, вырвало из своей лапы топор, и, подняв Олега своими передними лапами,

подняло его над собой.

– Анна беги ... – прохрипел Олег, и это были его последние слова.

Тварь бросила тело несчастного об стену старинной усадьбы со страшной силой и Олег погиб. Но в тот же миг Вадим кинулся на монстра и вонзил свой нож ему в бок. Тварь завизжала и закрутилась волчком. Вадим продолжал вонзать в него нож снова и снова. Но тварь выдернула нож из своего тела, схватила несчастного за шею, сдавила её, и, издав страшный вопль, впиалась зубами в неё.

– Анна беги... – только и успел прохрипеть парень, и тело его забилося в агонии. Последнее, что увидел Вадим, почему-то была зона, в которой он провёл пять лет, карцер в которой бросали его на несколько дней.

И весь ужас, через которой он прошёл на этой зоне. Но он так и не понял в последние минуты жизни, почему увидел именно её. Наверно кто-то хотел ему показать, что в мире есть вещи куда более пострашней, чем обычная зона. Вадим погиб страшной и мучительной смертью.

Девушка всё это время находилась в каком-то страшном оцепенении, близком к полуобмороку. И только последние слова Вадима привели её в чувство. Она схватила с земли нож Вадима, и, пятясь назад, бросилась к усадьбе. Монстр, заревев как дикий вепрь, прыжком бросился за ней. Не зная куда бежать, Анна кинулась в усадьбу.

Слыша топот твари за спиной, она продолжала бежать.

Она вбежала внутрь усадьбы и ринулась вниз в подвал. Только она успела забежать в подвал и закрыть за собой тяжёлую ржавую дверь на засов, как глухие удары об дверь, возвестили о том, что тварь уже за ней. Анна вытерла рукавом куртки пот на проступившем лице. Удары об дверь продолжались со страшной силой.

Девушка несколько минут стояла, задумавшись, а потом кинулась к сундуку, откинула крышку и достала оттуда трясущимися руками книгу, шкатулку и куклу.

Что? Что мы сделали не так? Что надо изменить? судорожно думала она. Думай Анна. Думай. Дрожащими руками она открыла книгу, интуитивно чувствуя, что только в ней она сможет найти ответ. Удары об дверь пока прекратились. Всклипывая, Анна продолжала листать книгу, и тут за дверью раздался нечеловеческий, адский утробный крик. И тварь нечленораздельным голосом закричала такие слова:

– За...чем Вы раз...будили меня!!!

И после этого об дверь стали раздаваться такие удары, что казалось она, вылетит сейчас из своего места. И вдруг Анна увидела то, что искала. Это было оружие против твари то, что может её снова загнать в куклу. Однако она прочитать она не успела, как потеряла сознание.

И видит Анна себя на берегу озера, красивого с голубой прозрачной водой, а рядом усадьба графа Сумбурова, только не руины, а стоит усадьба во всём своём величии и былом великолепии. Нет больше болота, нет сухих коряг торчащих

из воды, нет мерзкой топи.

Озеро, утопающее в зелени с удивительно красивым причалом, у которого несколько лодок с парусами и вёслами. Анна не верит своим глазам. И вдруг кто-то трогает её за плечо.

Она оборачивается и видит красивую женщину в ослепительно белом платье. Она, улыбаясь, смотрит на неё, и говорит:

—Я графиня Сумбурова Елизавета Николаевна. А ты Анна, я знаю... и всё что случилось сейчас с тобой, через что ты прошла и ещё должна пройти, всё это должно было произойти для то, чтобы навсегда загнать его туда, откуда нет дороги в наш мир. Это был мой любимый сынок Алексеюшка. А потом его не стало. Сейчас оно больше не мой сын. И ты тоже Анна пришла сюда не случайно. Я скорблю, так же как и ты о смерти твоих друзей, но они умерли не зря, поверь мне. Ты далёкий потомок рода моего мужа. Когда-то очень давно у него была сестра по отцу, которая жила тогда очень далеко от нас. Она и есть твой далёкий предок. Загнать этого зверя навсегда, в преисподнюю должен был только потомок рода Сумбуровых. Теперь ты знаешь, зачем ты здесь. Но помни одно, прочти заклинание до конца и вонзи нож в его шею. А теперь сделай всё правильно и прощай навсегда милая Анна.

Запомни, в твоей жизни всё будет хорошо, и ты будешь счастлива в жизни. Женщина исчезла, а Анна очнулась и бросилась снова к книге. Она расставила всё содержимое

сундука, так как было написано в книге и начала читать заклинание.

Когда она дошла до конца, весь подвал заходил ходуном, и земля задрожала под её ногами. А дверь в подвал вылетела от мощного удара и в зал с диким рёвом вбежала тварь. Свет от светильников осветил пасть этой твари, которая взревев, ринулась на Анну.

Девушка, не выпуская из рук книгу, вслух продолжая читать заклинание, отбежала за стол. Однако тварь успела полоснуть когтями по плечу Анны, которая вскрикнула от дикой боли.

Но, несмотря на боль, она продолжала читать. И в ту же минуту зверь вдруг упал на колени и заскулил как маленький щенок. Потом он заплакал как человек и на изумлённых глазах Анны стал уменьшаться в размерах. А девушка, закончив читать, собрала всю свою волю в кулак, и, зажмурив глаза, вонзила нож в его шею.

Тварь, уже значительно уменьшившись в размере, вскрикнула как ребёнок и упала как подкошенная. Анна тоже упала рядом с тварью на колени с всё ещё с закрытыми глазами и заплакала. Когда она открыла их, рядом с ней лежал маленький, мёртвый мальчик.

Он лежал, широко распахнув, словно от удивления свои глаза, а на лице его застыла совсем ещё детская улыбка. Анна взяла руку мальчика, погладила её и произнесла:

– Прости меня малыш.

А земля ещё больше задрожала с такой силой, что стены усадьбы стали осыпаться. Бросив всё снова в сундук, она бросилась к выходу. Как только она покинула усадьбу, та сразу же ушла под землю, провалилось, оставив после себя большой ров с рваными краями. Шатаясь Анна побрела в сторону палатки, нашла свои болотные сапоги, закинула за спину рюкзак и направилась в сторону болота.

Она долго шла, то выбираясь на сушу, то утопая в болотной жиже. Потом, где-то уже, в самом центре болота она нашла висевшую на коряге шапочку Вики и поняла, что её подруга утонула именно здесь. А на одном из островков она увидела и одежду Егора Васильевича.

Но она продолжала идти дальше несмотря ни на что.

Она цеплялась своей одеждой за острые ветки, которые царапали и рвали её. Несколько раз она по горло проваливалась в болото, но будто кто-то вытаскивал её из топи. Анна продолжала идти, пока полумёртвая, еле живая не дошла до дороги. Потом она упала и лишилась чувств. Глаза Анна открыла только в машине, которая увозила её прочь от этого места.

Пролог

Всё закончилось в этой истории. Всё ушло. Анна бросила» чёрное копательство» устроилось в серьёзную фирму, вышла замуж и старалась навсегда похоронить в себе всё то, что случилось с ней в усадьбе Сумбурова. Но не всегда ей удавалось

это. Воспоминания просыпались в ней, а лица её погибших друзей порой не давали ей покоя.

И тогда она уходила в лес, просто побыть одной, побыть в тишине леса, а может быть она хотела встретиться с Духом, Хранителем Леса, так же как и её далёкий, далёкий предок, несчастный граф Сумбуров.

Она не знала, что Дух Леса давно следил за ней, и охранял её, ведь она вернула ему его сына, не дав его душе низвергнуться в низший мир. Сын таёжного духа вернулся снова к своему отцу. Хранитель Леса смотрел на неё из-за деревьев и думал о том, что история графа имела бы продолжение, но не в этом мире.

А Анна жила теперь для своей дочери, ради которой ей и стоило жить. Анна обрела всё-таки счастье в этом безумном мире, безумном мире. И счастье её было в её маленькой копии, вечно смеющейся, милой малышке с красивыми золотистыми кудрями, которая подбегала к ней, хватала за руку и смотрела в её глаза.

И тогда у Анны замирало сердце, она знала, что глаза её маленькой дочери, говорят ей: «Будь со мной, мама, не уходи».

Она знала теперь одно, ради чего ей оставили жизнь, и ей надо было дорожить этим. Ведь её жизнь была в этих маленьких голубых глазках.

Анна знала, это и жила этим. А дочка улыбалась ей, обнимала её и прижималась к ней. Маленькая жизнь, которая

была теперь её маленькой звёздочкой в бесконечной Вселенной. Голубая звёздочка ...